

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Ш. АЗИЗ премьер-министр Пакистана (2004–2007)
- Х. АКИНЧИ Чрезвычайный и Полномочный Посол Турецкой Республики в РФ (2008–2010), председатель Совета по вопросам стратегии и политики Хазарского стратегического института
- С. Р. АМЕЛИ вице-президент Тегеранского университета (Иран), доктор философии, профессор
- Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии, профессор
- Г. ГАЛИС президент Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI, Швейцария)
- Ал. А. ГРОМЬКО директор Института Европы РАН, доктор политических наук, профессор
- Д. К. ГЭЛБРЕЙТ профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- Б. ДЕГАРДЕН генеральный директор “Banque Eric Sturdza SA” (Женева, Швейцария)
- П. ДУТКЕВИЧ директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. ИНГИМУНДАРСОН профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии
- В. Л. КВИНТ заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- Г. ЛИТТЛДЖОН экономист, социолог (Великобритания)
- В. К. МАМОНТОВ генеральный директор радиостанции «Говорит Москва»
- К. МОЙНИХЕН государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
- Н. МОСАФФА профессор кафедры международных отношений Тегеранского университета, президент Иранской ассоциации по изучению ООН
- А. МУСА генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001)
- С. Г. МУСИЕНКО руководитель Аналитического центра «ЕсооМ», член правления Союза писателей Беларуси
- А. САДЖАНХАР секретарь Национального фонда общественной гармонии (Индия)
- В. делла САЛА профессор Университета Тренто (Италия)
- П. П. ТОЛОЧКО директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — По традиции несколько слов от имени Оргкомитета Лихачевских чтений. На форуме собрались 1,5 тыс. человек (экономисты, юристы и т. д.). Есть и секция, на которой 750 школьников будут обсуждать гуманитарную проблематику.

То, что происходит в Университете, имеет большое значение, поскольку здесь интегрально обсуждаются мировые проблемы с позиций разных отраслей гуманитарного знания. Большое количество различных научных конференций в мире организуются по политическому заказу: правительства собирают ученых для того, чтобы услышать то, что хотят. Наш Университет независим от власти. Суть происходящего здесь не зависит от политических интересов, это свободная трибуна, где каждый высказывает все, что считает нужным. Мы всегда просим гостей высказываться без выпадов в адрес других государств, потому что это не арена для политических конфликтов, а место, где мы обмениваемся идеями.

Я дорожу присутствием здесь целого ряда ученых из стран, у которых сегодня сложились политически сложные отношения с Россией. Я рад, что на XVI Лихачевских чтениях выступают ученые из Украины, Турции, Польши. Нам важно участие Швейцарии, которая интегрирует разные тенденции в Евросоюзе и достойно выполняет миссию нейтрального государства.

В сложные моменты, когда отношения между странами на мировой арене обостряются, особая роль принадлежит ученым. Когда перестают вести диалог между собой политики, дипломаты, ученые должны продолжать общаться друг с другом и обмениваться идеями. У нас никогда не будет единого взгляда на события в мире. Смысл Лихачевских чтений — в том, чтобы услышать представителей различных отраслей гуманитарного знания из разных стран и сделать это в уважительной, доверительной обстановке. Важно, чтобы наше научное общение не было монологом.

Чем сложнее отношения между различными странами, тем важнее вести диалог и говорить то, что мы думаем, именно с позиции науки, а не преследуя чьи-то политические интересы. В ином случае, наверное, Лихачевские чтения не имели бы смысла, потому что Д. С. Лихачев — не просто один из крупнейших российских ученых-гуманитариев, а человек, заслуживший огромное уважение в России своей независимой позицией по отношению к власти, своим прямым принципиальным разговором с ней, который был основан на высоконравственных и научных позициях. Нравственность и наука — величайшие ценности, которыми мы никогда не сможем поступиться.

Я благодарен вам за то, что вы приехали в Петербург на Лихачевские чтения, и желаю вам успешной работы!

Ал. А. ГРОМЫКО: — Тема нашей секции «Международное партнерство и национальные интересы» предоставляет широкий простор для дискуссии. Но вторая часть темы — национальные интересы — настраивает нас на то, чтобы мы отталкивались в первую очередь от дискурса, который развернулся не-

сколько лет назад о ренессансе понятия «национальное государство», о том, в какой системе координат позиционируют себя на международной арене Россия, Евросоюз, США и другие страны.

Россия, которая четверть века выстраивала отношения с частью Европы, расположенной к западу от ее границ, все время находилась в рамках дискурса о том, что вместе с глобализацией происходит постепенное размывание границ национальных государств. Евросоюз долгое время являлся ярким примером того, что национальное государство добровольно при вступлении в эту общность, а тем более будучи его членом, отказывалось от части своего суверенитета и делегировало его наднациональным структурам. Еще 10 лет назад было модно говорить о том, что аналогичные процессы будут происходить по всему миру, что европоцентризм в плане постепенного размывания государственного суверенитета продолжит шагать по планете.

Мне представляется, что в последние годы в этом дискурсе произошли значительные изменения. Многие страны заявили о том, что национальный суверенитет и суверенная внешняя и внутренняя политика являются фундаментом их развития в XXI веке. И хотя часто рассуждения о национальном суверенитете слишком прямолинейны, все согласны с тем, что мир взаимозависим, что любые серьезные решения как во внешней, так и во внутренней политике не должны приниматься без учета международного или регионального контекста.

На сегодняшний день Европейский Союз — единственная региональная организация на планете с так называемым пулом суверенитетов (pull of sovereignty). Такие же страны, как США, Китай, Россия, Индия, Бразилия и многие другие, регулярно подчеркивают, что ими движут национальные интересы и что они не готовы вступать в какие-либо структуры, где речь идет о делегировании части их суверенитета.

Существует такая уникальная организация, как Организация Объединенных Наций. В 1945 году Совет Безопасности ООН стал прототипом полицентричного мира. Тогда в Совбез ООН вошли не только европейские страны и США, но и Китай. В ООН был заложен механизм по ограничению (в определенных случаях) государственного суверенитета, в том числе по исполнению главной роли или функции ООН — принуждения к миру.

Размывание государственного суверенитета возникло не в последние годы. В разных видах мы можем его проследить и в XX веке, и в более ранние периоды истории. Например, «концерт держав» после Венского конгресса 1814–1815 годов стал своего рода формой ограничения государственного суверенитета. Или Вестфальский мир, хотя там речь шла об утверждении принципа государственного суверенитета. Но было утверждено, что суверенитет одного государства заканчивается там, где начинается суверенитет другого государства, что само по себе уже ограничение.

Я прошу вас порассуждать на эту чрезвычайно интересную тему и предоставляю слово нашему гостю из Беларуси Сергею Григорьевичу Мусиенко.

С. Г. МУСИЕНКО: — Хочу поблагодарить Александра Сергеевича Запесоцкого, который, на мой взгляд, совершил гражданский поступок, пригласив П. П. Толочко с Украины, меня, как представителя последней диктатуры Европы — Беларуси, и гостя из Турции.

Сделано домашнее задание по теме Лихачевских чтений — недавно в Нью-Йорке вышла в свет моя книга «Государственность — национальная идея Беларуси». Она издана и в России на русском языке с небольшими дополнениями, но не опубликована в Беларуси. Сейчас готовится ее перевод на сербский и немецкий языки. Кроме того, мы сняли фильм о Беларуси «Национальная безопасность» (в двух частях), который получил высшую национальную награду — премию «Телевершина».

Хотелось бы ответить на вопрос про сумму активов более 100 млрд долларов, заданный господином Третьяковым в первой части нашего заседания. Я думаю, что у Ротшильдов и Рокфеллеров подобный объем ресурсов уже давно есть. Просто они контролируют рейтинг «Форбс», поэтому не будут об этом писать.

Основываясь на опыте Беларуси, могу сказать, что если бы экономический блок России возглавили такие люди, как Глазьев, Делягин, Хазин, то через два года вы увидели бы результаты, которых мы достигли в нашей стране, потому что у России гораздо больше ресурсов.

Экономика — прежде всего теоретическая наука. С хорошей теоретической базой честные люди достигают больших успехов. И мы это наблюдали в Беларуси. Во многом наша страна избежала экономических проблем, возникших в России, потому что у нас не было такого количества экономических школ и институций. Либерал Богданкевич, который был руководителем Национального банка до прихода к власти А. Г. Лукашенко, достиг небывалого результата, установив мировой рекорд — 43 900 % инфляции. На смену ему пришла другая команда: Владимир Владимирович Шимов стал министром экономики и кропотливым, тяжелым трудом исправил эту ситуацию. Практический подход к решению экономических проблем может приносить результаты независимо от того, насколько глубоко проработана эта теория.

В проекте, который я упоминал, представлены взгляды 20 исследователей из США, Италии, Швейцарии, Болгарии, России, Польши и других стран. Первоначально мы хотели сделать проект, в рамках которого о Беларуси должны были писать только иностранцы, побывавшие в этой стране. Но потом пришлось добавить в исследование мнения белорусских специалистов, потому что были не решены некоторые вопросы (были вещи, о которых, например, мы не могли написать). Вчера агентство «Fitch» на конференции в Минске признало, что ВВП на душу населения в Беларуси на 40 % превышает по паритету покупательную способность стран-соседей.

Махатма Ганди говорил, что реальное богатство — это здоровье, а не золото и серебро. В своих книгах мы описываем систему здравоохранения Беларуси, в частности уровень детской смертности в нашей стране на-

ходится на уровне Швейцарии, Франции, Бельгии. Беларусь по уровню жизни занимает 50-е место среди 180 стран и относится к категории высококоразвитых.

В своем кратком выступлении я не могу изложить многие факты о Беларуси, их можно узнать, прочитав книгу «Государственность — национальная идея Беларуси», это первый подобный проект за 25 лет.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Слово предоставляется Послу Турецкой Республики в России, эксперту Халилу Акинчи.

Х. АКИНЧИ: — Несколько слов об историческом развитии глобализации. Этот процесс начался после Второй мировой войны. В настоящее время проходит уже не первая волна глобализации. Один из основных ее принципов — свободная торговля. Этой проблеме были посвящены международные конференции. Правила торговли определяются европейскими странами. Все началось с действий Британского флота, которые способствовали появлению глобализации. Но настоящее развитие глобализации связывают с немецким конгрессом 1815 года, когда был создан Германский союз. Тогда европейские нации разработали договор, который действовал до конца XIX века. Вторая волна глобализации наступила после экономического кризиса 1929 года и подготовила начало Второй мировой войны. Здесь уже упоминали Организацию Объединенных Наций, но существовали и другие международные организации, например Лига Наций.

Однако о глобализации в полной мере нельзя говорить вплоть до 1980-х годов. Именно тогда был подготовлен доклад под председательством Вилли Брандта «Север–Юг: программа выживания». После 1980-х годов появилось новое измерение глобализации. Теперь уже не прилагаются усилия по возобновлению диалога, при продвижении идей руководствуются политикой.

На пленарном заседании Лихачевских чтений говорилось о том, что глобализация неизбежна. Что нового она несет? После 1980-х годов, особенно в 1990-х, размеры государств уменьшились. Эта тенденция продолжилась и в 2010-е годы. В частности, Ливия распалась на три государства, Сирия и Ирак находятся в таком же положении. Следует заметить, что там либо все закончилось мирно, либо военные действия оттуда перекинутся на другие части света. Мы не знаем, что произошло с недавно потерпевшим крушение самолетом компании «EgyptAir», но вполне может быть, что определенные силы сыграли свою роль в крушении этого самолета.

Сегодня все — и американцы, и европейцы — хотят потреблять, несмотря на то что их доходов уже не хватает. В моей стране на руках у граждан находится 20 млн iPhone. Даже деревенские жители в тех местах, где нет сотовой связи, покупают пятые и шестые iPhone. Что ж, таким образом тоже происходит распространение цивилизации.

Нам следует ответить на ряд вопросов: каково будущее цивилизации? Предоставит ли глобализация людям какие-либо преимущества или права? Следует заметить, что только 5 % финансового развития связано

с инвестициями. Может быть, усилится безопасность? Или мы начнем получать правдивую информацию?

В настоящее время рабочая сила не может свободно передвигаться по миру. В XIX веке по этой причине произошла промышленная революция. Мы не можем трактовать понятие «глобализация» узко, но в любом случае нужно ответить на следующий вопрос: как устранить отрицательные воздействия процесса глобализации? Необходимо развивать региональное сотрудничество между тихоокеанскими странами, США, Европейским Союзом и др.

Региональная кооперация должна начинаться с сотрудничества соседей. Когда соседи вступают в конфликт, возникают проблемы. Но могут восторжествовать и другие стратегии поведения. Должен быть механизм, с помощью которого можно решать конфликты, чтобы конфликт между двумя государствами не перерос в конфликт между двумя народами. Мы должны приложить все силы для решения проблемы и нормализации ситуации.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Господин посол, Вы затронули несколько серьезных вопросов. В частности, была затронута тема необходимости определения понятийного аппарата и предложена распространенная и аргументированная точка зрения на то, что такое глобализация. Были выделены ее периоды начиная с Первой мировой войны, как глобализация развивалась после Великой депрессии и стала полноформатной в 1980–1990-е годы. Существуют и другие точки зрения на глобализацию.

Вы напомнили о соотношении межнациональных государств и глобализации, о том, что в последнее время национальные государства вновь находятся под угрозой. Какие-то оказались несостоятельными, другим «помогли» таковыми стать, как, например, Ливии.

В 1945 году Устав Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско подписали более 50 государств. К 2016 году в ООН состояло более 190 членов. То есть во второй половине XX века произошло увеличение количества национальных государств и соответственно национальных интересов почти в четыре раза. Вопрос заключается в том, как международные отношения, точнее — их система может справиться с увеличением количества субъектов.

Слово предоставляется польскому политику, законодателю, социологу господину Ежи Вятру.

Е. ВЯТР: — Хочу обратиться к вопросу о национальном суверенитете и сказать, что не принадлежу к числу тех, кто говорит, что суверенитет государств и суверенные государства находятся на смертном одре. Полагаю, что они будут существовать еще много столетий.

Сегодня суверенитету национальных государств брошены три вызова. Один из вызовов — это глобализация. Здесь важен не только экономический фактор, но и коммуникации, связь (диктаторские режимы не могут контролировать поток информации, как несколько десятилетий назад). Когда я был молодым, такие радиостанции, как «Голос Америки», «Свободная Европа», глушились государственными средствами

радиоподавления. Правительства не могут ничего противопоставить воздействию глобализации, да это и невозможно. Глобализация имеет как отрицательную, так и положительную сторону.

Второй вызов, о котором стоит сожалеть, но очень трудно его предотвратить, — навязывание сильными державами своей воли более слабым государствам. Это происходит по всему миру. Сегодня супердержавы навязывают свою волю более слабым партнерам. Это можно сказать и о Советском Союзе, и о его сателлитах в Центральной Европе, и о США и союзных государствах. Некоторое время мы считали, что навязывание мнения — это дело прошлого, но, к сожалению, мы ошибались. Сильные державы все еще нарушают суверенные права более слабых государств. Вопиющий случай — американское вторжение в Ирак. К сожалению, это произошло при участии Польши. Тогда я не поддержал свое правительство и отрекся (в том числе на страницах печати) от акта американского вторжения в Ирак. Как европейское сообщество может предотвратить такое грубое нарушение международного права, если нарушитель — одна из самых сильных или, может быть, даже самая сильная страна? Можно было бы устроить демарши в ООН, но вряд ли это принесло бы какую-нибудь пользу.

Третий вызов — добровольное подчинение независимых государств международным правилам и документам, начиная с Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека. Эти документы противоречили положениям Вестфальского договора. Сейчас страны не могут делать то, что хотят, существуют ограничения правил поведения государств. Например, нельзя навязывать людям определенную религию, поэтому правительству моей страны в настоящее время придется изменять законодательство, независимое и суверенное, потому что оно противоречит правилам, принятым международными организациями, Евросоюзом. Я считаю, что это достойное ограничение суверенитета, потому что оно в интересах свободы, демократии, прав человека, чтобы граждане не оставались наедине со своим правительством. Я считаю это положительным явлением и приветствую его.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Господин Вятр, Ваше выступление содержит много пищи для размышлений. Хочу отметить один из пунктов о том, что существуют международно-установленные правила, которым все должны следовать. Международное право, как и любая система права, состязательно. Судебный процесс предусматривает две стороны — адвоката-защитника и прокурора-обвинителя, которые спорят друг с другом. В международном праве действует много принципов, которые могут находиться в гармонии или столкновении друг с другом, как, например, принцип самоопределения и государственного суверенитета. В идеале все должны следовать международно-установленным правилам, но, как всегда, существуют разные трактовки и интерпретации принципов Устава ООН, в каком соотношении эти принципы должны соблюдаться.

Слово предоставляется профессору Гжегожу Колдоку.

Г. В. КОЛОДКО: — Когда речь идет о глобализации, то говорим о проблемах. Проблема — это одновременно и шанс, и риск. Мы должны быть открыты рискам, если хотим воспользоваться шансами и решить проблемы. С точки зрения экономики шансы — это свободный доступ к источникам капитала, прямые иностранные инвестиции, новые технологии, более высокая квалификация трудовых ресурсов, образование, наука и т. п. Но само по себе ничего не происходит — все это результат глобализации. Нужно обратить эти шансы в экономические, социальные, политические и прочие преимущества. Но здесь заложены и риски: можно потерять капитал, компания может обанкротиться, конкуренты могут победить, лучшие рабочие силы — уйти.

Двенадцать лет назад Европейский Союз был обеспокоен проблемой, связанной с тем, сколько людей сможет принять каждая страна. В настоящее время в Польшу приезжает больше людей, чем уезжает из нее. 80 % из них — молодые люди до 30 лет, квалифицированные специалисты, обладающие предпринимательским талантом и желающие работать на благо страны. Но временно наша страна закрыла двери. И если мы предоставим деньги, организуем стартапы и поможем их запустить, то сможем продать все, что изготовим, при условии нашей конкурентоспособности. Более 7 млн человек могли бы довести нашу промышленность до банкротства, если бы они не смогли уехать из страны.

Эта игра называется динамической глобализацией. Как же воспользоваться ее преимуществами, избежав рисков? Что несет глобализация Польше, Украине, Белоруссии, Чешской Республике, Австрии и т. д.? Каковы ее результаты по сравнению с затратами? Каковы затраты, обусловленные плохим управлением? Беларусь и Украина, Чили и Аргентина, Доминикана и Гаити, Никарагуа и Коста-Рика, Филиппины и Малайзия, Бангладеш и Мьянма, Китай и Россия — все эти страны являются соседями. В чем же различия между ними? Коста-Рика — это история успеха, а Никарагуа — история неудачи. Почему Турция до недавнего времени была выигрышной стороной в мировой экономической игре? Почему Польше все удается лучше, чем Украине? Двадцать пять лет назад человеческий капитал на Украине находился в гораздо лучшем положении, чем в Польше, хотя в этих странах одинаковый климат, ресурсы, уровень образования. Эти государства отличаются разной стратегией.

Глобализация затрагивает все страны: маленькую Коста-Рику, среднюю Беларусь и большие Индию и Китай. У них есть национальная стратегия. Польша утратила часть суверенитета, чтобы присоединиться к Европейскому Союзу. Мы сами стремились вступить в Евросоюз, а не Евросоюз хотел присоединить нас. Мы вели переговоры с Европейским Союзом, и после того как это произошло, все осталось на прежнем уровне, поскольку реальность иногда не совпадает с желаемым. В этом случае люди могут проводить митинги, протестуя против евро или толерантности. Однако во все периоды существовала стратегия.

В новых обстоятельствах, которых нельзя было избежать, необходима новая стратегия. Как экономист,

могу вас уверить: физически невозможно разработать достойную стратегию развития экономики, если она не увязывается с долгосрочными целями. Это может произойти только с помощью разработанного теоретического аппарата.

Итак, мы призываем выработать стратегию, основанную на хорошей экономической теории. Политические факторы тоже имеют значение, это не просто экономическая игра, но и престиж и пр. К удивлению, в Бангладеш мы не наблюдали подобного успеха и не сможем добиться роста этой страны, если не будет разработана стратегия.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Один из ключевых вопросов, который Вы задали: несет ли глобализация блага? Действительно, к глобализации нельзя подходить с ценностными ориентирами. Это то, что можно использовать или во благо, или во вред себе. Вопрос стоит так: хороша ли конкретная политика по использованию преимуществ, которые может дать глобализация, и по минимизации рисков или негативных факторов, которые она несет?

Хотя глобализация неизбежна, это не природное явление, а то, что люди могут направлять, чем они могут манипулировать. Я уверен, что, как в рыночной экономике могут существовать различные модели, так и у глобализации могут быть разные модели в зависимости от того, какие группы стран или какая школа экономической мысли задают тон.

Слово предоставляется профессору Амели.

С. Р. АМЕЛИ: — В настоящее время наметилось понимание экономических, политических и культурных вопросов, которые не должны увести нас в сторону от намеченного направления. Сегодня многие изменения связаны с глобализацией и распространением Интернета. В этой модели мира действуют два типа технологий. Глобализация использует технологии, которые развиваются в физическом и виртуальном пространстве.

В настоящее время возникают кризисы, связанные со смешением культур. Сто лет назад не было такого интенсивного развития транспорта, коммуникаций между разными частями света, как сегодня, но изменения все равно происходили. Необходимо понять логику управления жизнью. Это двусторонняя парадигма. В Библии мы наблюдаем обращение ко всем народам мира. Идея христианства распространилась на все человечество. Можно сказать, что уже тогда было глобальное отношение к людям. Сейчас в мире также наблюдается глобальность коммуникаций. Начало этому процессу положил Морзе, который использовал технологии для связи между людьми, что и изменило мир. Виртуальная реальность позволяет делать покупки или развлекаться через Интернет.

Вместо слова «глобализация» следует использовать термины «транслокализация», «перенос», «перемещение». Если мы примем это положение, то на физическую и виртуальную глобализацию будем смотреть иначе.

В глобальном мире культура, как и национальные интересы, очень важна. Главный вопрос в сфере куль-

туры — ее централизация. Таким образом может проявиться ее индивидуальный характер, несмотря на действующие в обществе нормы.

Возможности выбора расширились: граждане одной страны могут выбирать иное гражданство. Существуют три типа миграции: физическая, когда меняется место обитания, виртуальная, когда изменяется принадлежность (мы можем жить в России или Иране, но духовно принадлежать другому месту), и виртуально-физическая, когда меняются гражданство, родина, политика, общество. Здесь проявляются различия между понятиями «дом» — место, где мы можем жить, и «дом», к которому мы духовно принадлежим, Родина.

Полагаю, что нужно заново формировать национальную политику. Она должна затрагивать не только физическое пространство, мы должны думать о привлечении людей к географическим, геополитическим и виртуальным возможностям.

В Америке возникли новые виртуальные общности (например, в Голливуде), и мы понимаем, какие силы окружают нас в этом виртуальном мире. За счет них США распространяют свою культуру в виртуальном пространстве. Например, 75 % интернет-запросов осуществляется с территории Соединенных Штатов Америки, 75 % населения используют для поиска Google, а остальные — Yahoo и иные поисковые программы. Википедия — самая крупная энциклопедия в мире, с ее помощью создается содержание для Google, информация поступает с серверов Google. Перед нами стоит серьезная культурная проблема, этот вызов культуре может распространиться и на другие сферы.

Хотел бы задать лингвистический вопрос. В русском и польском языках не различаются два названных значения понятия «дом», а на фарси это разные слова, как и в английском языке. Как в этом случае происходит смыслообразование?

Ал. А. ГРОМЫКО: — В каждом языке можно найти слова или понятия, которые по значению не совпадают со словами в других языках. Если говорить о home и house, то в русском языке home — это очаг, а house — это дом. Вообще тема лингвистического измерения глобальной политики в последние годы стала очень важной.

Вы затронули понятия «транснационализация» или «глобализация». В российской политологии шли споры о том, как понятия «интернационализация», «транснационализация», «глобализация» соотносятся друг с другом. Считаю, что транснационализация и интернационализация являются частью глобализации. Глобализация является зонтичным понятием, которая включает в том числе то, о чем Вы говорили.

Крайне интересна тема виртуальной иммиграции. Здесь можно привести еще один термин — капсулизация. Когда человек, попадая в инородную культурную среду, не ассимилируется, а наоборот, создает вокруг себя некую непроницаемую среду, своего рода добровольное гетто. И это гетто отторгает от себя ту культуру, которой оно окружено в той или иной стране.

Слово предоставляется господину Азизу.

Ш. АЗИЗ: — Вопрос глобализации необходимо рассматривать в более широком контексте. Когда я работал министром финансов Пакистана, наша экономика была очень традиционной, на все были необходимы разрешения, допуски, лицензии, бюрократия была очень сильна, а реформы — минимальны. У нас была только одна возможность что-то предпринять для улучшения ситуации. Экономика строилась на тарифах и нетарифных барьерах. Глобализация и дерегулирование экономики — это единственный путь, которым должен был следовать Пакистан. Но у каждой страны свои особенности, поэтому нельзя сказать, что один рецепт подойдет всем. Если вы сможете обеспечить связи с различными рынками мира в максимальном масштабе, то получите широкую аудиторию и соответственно большое количество клиентов. Переход к такой системе — сложный путь. Но это позволит перестроить экономику, получить выгоду от ее открытости. Поэтому Пакистан будет продолжать реформы.

Моя философия заключается в трех словах — либерализовать, приватизировать, дерегулировать. Необходимо было, во-первых, либерализовать экономику, оставить частный сектор в покое и не мешать ему развиваться. Мы приватизировали всю банковскую систему из-за ее неэффективности и неумения работать. Все наши действия были прозрачными, мы привлекли иностранные финансовые учреждения для осуществления банковских платежей, все банки перешли в руки местных предпринимателей, а также под управление ближневосточных банков. Они обусловили много возможностей и пробудили желание работать.

Кроме того, мы урегулировали телекоммуникационный бизнес. Мы объединили три вида лицензий на телефонные сети и телевидение и начали продавать их с аукциона. Если та или иная группа не имела денежных средств, то это означало, что у нее в будущем могло не быть телевидения и телефонии. Лучшие фирмы мира оценили наши реформы. Итак, мы продали с аукциона телефонную и телевизионную сети, причем каждый из покупателей должен был предоставить финансовое обеспечение в размере 10 млн долларов. Если они проигрывали на аукционе, то получали деньги обратно, если выигрывали, то деньги оставались у государства. Лицензии на телевидение продавались по 200 млн долларов. Таким образом мы получили деньги на развитие — это была первая приватизация в нашей стране. После этого процессы приватизации и дерегулирования пошли своим чередом.

С телефонной сетью было немного иначе: телефонная связь распространилась везде, и люди, которые никогда не видели телефона, стали им пользоваться. Например, один водопроводчик рассказал мне, что теперь у него есть телефон и ему по нему присылают заказы на работу. То есть вся система ожила, ее как бы гальванизировали.

В такой приватизации, конечно, заложены риски. Нам говорили, что, продавая секретные активы правительства, тем самым можно разбазарить государство. Теперь у нас продается все больше лицензий и на телекоммуникации, и на телевидение, а количество проданных телефонов достигает 1 млн в месяц.

По моему мнению, не должно быть веры в глобализацию или неверия в нее. Нужно подо все процессы подводить философское основание. В ходе экономических реформ страна, какая бы она ни была (развивающаяся, развитая, суперразвитая), должна верить в них. Хорошие реформы помогут перескочить сразу через две ступени развития. Возможна и критика, потому что страна продает государственное имущество и ценности и все могут узнать наши секреты. Но сегодня всем и так известно о наших секретах с помощью спутников, которые размещены над территорией нашей страны. Все действия должны быть прозрачными. Рост экономики нашей страны составил от 6 до 8 %. Но в каждой стране эти процессы будут происходить по-разному. Главное — реформы и поощрение креативной силы частного сектора.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Господин Азиз, вокруг Вашего выступления можно было бы выстроить отдельную дискуссию. Пример того, как определенная экономическая, рыночная модель принесла пользу Вашей стране, свидетельствует о том, насколько важен правильный выбор.

Термины «дерегулирование», «децентрализация», «приватизация» были написаны на «знаменах» во времена тэтчеризма и рейганомии. Фридрих Фон Хайек и Милтон Фридман были тогда повелителями умов. Но в Европе сейчас практически никто не говорит о «государстве — ночном стороже» или о «невидимой руке рыночных сил». Европейские страны, в том числе и Россия, уже прошли этот этап и по-другому стали относиться к названным категориям.

Россию часто критикуют за экономически неэффективную модель. Но с точки зрения либеральных принципов экономического развития страна формально может занимать высокое место. Например, в России консолидированный бюджет составлял в районе 36 % ВВП. В большинстве развитых рыночных экономик этот показатель далеко за 40 %. У России низкий бюджетный дефицит, небольшой государственный долг и низкая безработица.

Вы справедливо заметили, что дело даже не в слепом выборе тех или иных принципов и не в доктринерстве, а в том, что государство должно иметь четкую стратегию, политическую волю по ее выполнению, чтобы, когда проявятся первые положительные результаты внедрения этой стратегии, сделать все возможное по ее развитию. Если выбор был неправильным, необходима также политическая воля, способность признать свои ошибки и выбрать иной путь.

Слово предоставляется профессору Валуру Ингимундарсону из Исландии.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Мы обсуждаем разрушительные элементы политических структур, такие как глобализация, терроризм, миграция, финансовые кризисы. Хотел бы сказать несколько слов о явлении, которое подпитывается этими элементами, — об активности правых партий в Европе. В данном случае возникают исторические параллели с фашизмом. Крайне правые все выше поднимают голову в Европе. Влияние

этих воззрений разнообразно проявляется в различных группах, а препятствия им воздвигаются электоральной системой перед выборами, потому что правым партиям и сочувствующим им противостоит другая часть населения.

Несмотря на противоречия между правыми и левыми, в повестке дня европейской партийной политики сегодня первое место занимает процесс миграции. Во многих странах, предоставивших беженцам убежище, эта проблема вышла на первое место. В Западной Европе усилились фашистские настроения, все ярче проявляют себя такие партии, как «Национальный фронт» во Франции, Австрийская партия свободы и пр. Эти партии усвоили основные доктрины для очищения системы и прибегают к оперативным решениям. Никто не желает войны и расширения пространства за счет военных действий. Самые успешные из этих партий сочетают националистическую идеологию с консервативными ценностями и социальной защитой.

Можно обнаружить сходство между сегодняшними правыми радикальными партиями и их историческими предшественниками. Эти партии, так же как отдельные партии в 1920–1930-е годы, предлагают Европе наднациональные проекты, стремясь охватить всю Европу. В основном объектом их борьбы становятся беженцы, эмигранты и те, кто ищет убежища. Это касается практически всех партий, за исключением Австрийской партии свободы. Большинство популистских партий влияет на политику правительств, даже если их представители не занимают какого-либо видного места во властных структурах, парламенте или выборном органе. Последние несколько лет мы наблюдали соперничество между социал-демократическими партиями, которые начали смещаться в более правую часть спектра, навстречу правым партиям либо в соответствии с пожеланиями большинства, либо стремясь привлечь меньшинство.

В том, что касается традиционных ценностей эмиграции, возможно, правительствам европейских стран удалось бы лучше воплотить свои требования, удовлетворяющие националистов, если бы не активная борьба последних, подстегивающая правительства противодействовать им. Традиционные политические партии сейчас теряют доверие избирателей, но продолжают занимать важное политическое место. Такие проблемы, как глобализация, радикальный ислам, беженцы, нанесут ущерб европейскому супернациональному проекту и самой идее Европейского Союза.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Вы затронули блок тем, которые можно обсуждать долго. В частности, изменения в партийно-политической системе стран Евросоюза под влиянием обстоятельств, в результате появления новых сил (радикальных левых, радикальных правых), активизации сил, которые еще недавно считались маргинальными, а сейчас в некоторых странах входят в правительства или возглавляют их, как в Греции.

Мы следим за выборами в Соединенных Штатах Америки. И когда кандидат в президенты США Л. Сандерс называет себя социалистом, это многое значит. Причем он самый возрастной из претендентов,

а большая часть его электората — это молодые люди. В США — бастионе либеральной модели капитализма — «коммунизм» и «социализм» еще в недалеком прошлом были ругательными словами. Значит, в обществе происходят важные процессы.

В 1950–1970-е годы в Европе много обсуждали и писали о том, как кадровые партии превращались в массовые, классовые партии. Были партии трудящихся, крупных собственников в Великобритании, например лейбористы и консерваторы, потом появились универсальные партии (catch-all-parties), которые ориентировались на средний класс, составлявший 60–80 % населения. В настоящее время происходит размывание среднего класса, в том числе в США. Вновь начинают расти социальные диспаритеты, появляются партии, которые в каком-то смысле можно назвать классовыми, — они делают ставку на неимущих или наиболее богатых.

Слово предоставляется профессору делла Сала.

В. делла САЛА: — Господин председатель, мне понравилось Ваше высказывание относительно понятия «суверенность». На мой взгляд, эта концепция определяет многое из того, о чем мы говорили на Лихачевских чтениях.

Что представляет собой суверенность, суверенитет? Известный британский политический философ Исая Берлин в свое время сказал, что нельзя иметь суверенитет наполовину, а наполовину — не иметь. Если строго подходить к этому понятию, то сейчас суверенных государств на Земле не существует. Следует разбираться, насколько это понятие гибко и необходимо при описании современного мирового порядка.

Возникновение понятия «глобализация» как ведущего принципа национальной организации страны можно отнести к 1648 году. Как и когда мы должны применять это понятие и в какой степени оно легитимно? Вместе мы должны постараться ответить на этот вопрос и подумать о том, какие государства соотносятся с понятием суверенитета в условиях глобализации.

Настоящая фаза глобализации отличается важными особенностями, причем не только количественными, но и качественными. Она отделяет государства друг от друга, меняя их внутреннее строение. Правила принимаются всеми, но изменяются внутри отдельных стран. Этот процесс, который определяет новый порядок действий государства, называют новым конституционализмом. Вероятно, он стал возможен потому, что мы постоянно меняем правила игры и не спрашиваем людей о том, хотят ли они, чтобы эти правила изменились.

То же касается и такого движения, как евроскептицизм. Должны ли мы проводить опросы по поводу нового порядка? К чему приведет гибкий суверенитет, часть которого утрачена, а часть проявляется не должным образом? Когда процентное соотношение мигрантов начнет угрожать суверенитету и институтам государства? Это вопрос не количества или конфликтов, а состояния государства. Если у нас «выключенное» государство, то мы обычно его замечаем, когда оно выполняет фискальную функцию (собирает налоги) и пр.

Приведу пример. Когда продавца зелени, продающего в том числе и сицилийские бобы, спрашивали: «Откуда фасоль?», он никогда не говорил «французская фасоль» или «итальянская фасоль», а отвечал: «Сицилийская фасоль». По правилам он должен был бы написать «итальянская фасоль», потому что Сицилия — это часть Италии. Люди, покупавшие эту фасоль, воспринимали Сицилию как отдельное государство. Подобные моменты способствуют распространению евроскептицизма. Государства в Европе пока не могут справиться с целым рядом проблем, в том числе управлять миграционными потоками. Характерный признак — продавец зелени, который применяет понятие «суверенитет» даже к фруктам и овощам.

Ал. А. ГРОМЬКО: — Когда государства передают часть своих полномочий Евросоюзу, они не только сами меняются, но и меняют систему изнутри. В политологии есть целое направление изучения политических пространств, в которых работает эта обратная связь. Многие представляют Евросоюз как некую организацию, которая меняется в одном направлении — сверху вниз. На самом деле, чем больше стран вступают в Евросоюз, тем больше он меняется изнутри под воздействием самих членов.

Слово предоставляется господину Саджанхару из Индии.

А. САДЖАНХАР: — На Лихачевском форуме мы пришли к выводу, что глобализация развивается очень быстро и является необратимым процессом. Хотелось бы определить некоторые временные параметры. Например, Великий шелковый путь существовал начиная с XII века и использовался для перевозки товаров караванами из Китая, Индии в страны Азии и, в конце концов, в Европу. Он назывался шелковым потому, что шелк был одним из основных товаров. Также поставлялись пряности из Индии, золото, драгоценные камни.

Глобализация сегодняшнего дня похожа на глобализацию раннего времени, то есть происходит перемещение не только товаров, но и идей, мыслей, разных религий. Буддизм из Индии по Великому шелковому пути достиг западной части Китая.

Глобализация — необратимый процесс. Самое важное — скорость, с которой происходят изменения. В наибольшей степени они касаются новых технологий, Интернета, связи, путешествий, телекоммуникаций. Люди путешествуют в поисках работы, образования, досуга, туризма, бизнеса и постоянно должны контактировать друг с другом. Поэтому было введено понятие «мультикультурализм». Физическое пространство, которое занимают люди, тоже сужается. Люди переезжают с одного места на другое, чтобы быть вместе. То есть отношения между людьми изменились под влиянием глобализации.

Глобализация имеет свои достоинства. Например, перед моей страной стоит важная задача сокращения смертности. Мы решаем эту проблему с тех пор, как начали вести открытую рыночную экономику в начале 1990-х годов. Мы уберегли 1 % нашего населения от обнищания. Уровень смертности с 38 % уда-

лось снизить до 8 %. Конечно, нам помогли в том числе и иностранные инвестиции, приток капитала и пр. Транснациональные корпорации стали крайне мощным орудием, даже более мощным, чем государства.

Но у глобализации есть и недостатки. Во-первых, бесчеловечное использование окружающей среды ведет к изменению климата. Во-вторых, мы смогли преодолеть бедность, но разница в доходах между богатыми и бедными очень велика и продолжает увеличиваться. В-третьих, вопросы безопасности пока находятся не под нашим контролем. Где бы ни проходили заседания ВТО, комитетов ООН или международных организаций, всегда находятся люди, сомневающиеся в том, что глобализация — это хорошо, поэтому они борются с этим явлением. Необходимо решать проблемы и на внутригосударственном уровне, в частности объединить важные сегменты общества и сделать их активными участниками рынка.

Ал. А. ГРОМЫКО: — В дискуссии мы открыли новую грань глобализации — это глобализация идей и мировых религий (христианство, ислам, буддизм). Это свидетельствует о том, что о глобализации можно говорить и по отношению к периоду истории более 2 тыс. лет назад. Глобализация идей состоялась несколько тысяч лет назад.

Господин Саджанхар, Вы сказали, что транснациональные корпорации могут быть сильнее, чем государства. Действительно, бюджет некоторых транснациональных компаний больше, чем ВВП отдельных стран. Но эту идею надо обсуждать в контексте. Например, когда Великобритания вступала в войну в Ираке вместе с США, то крупный бизнес, британские нефтегазовые ТНК, были против этой войны и напрямую высказывали свое мнение Тони Блэру. Но политика взяла верх. То же самое касается санкций против России и контрсанкций с нашей стороны. Крупный европейский бизнес был против введения санкций и лоббировал решение, но политика победила. То есть экономика, пусть даже в виде крупных международных ТНК, не всегда превалирует в механизмах принятия решений.

Слово предоставляется профессору Гэлбрейту.

Д. К. ГЭЛБРЕЙТ: — Я хотел бы вернуться к тому, с чего мы начали сегодняшнее обсуждение и о чем говорил профессор Амели. До какой степени глобализация в ее современной форме американоцентрична? Даже раньше описываемых явлений, уже в 1970 году, США имели повышенные энергетические мощности и ресурсы на внутреннем рынке. После этого мировая валютная система была перестроена. Все это открыло возможности для финансовой системы, которая сложилась после 1970-х годов. Так что в некотором смысле мировые системы развились симметрично. Цивилизация опирается на собственные финансовые ресурсы.

Кроме того, до 2000 года произошла психологическая революция, имеющая два аспекта — физический и виртуальный. Началась национализация американских достижений в области науки и техники, авиации, авионики. Несмотря на то что в Японии в то время

бюджет был менее милитаризован, американоцентричный характер изменений, происходивших после войны, остался прежним.

Последствия трех волн глобализации и ресурсо-финансового доминирования, компьютеризация технологий послужили причиной образования гражданского общества. В богатых странах, городах, финансовых центрах мира возник политический вопрос, что могут сделать эти страны. В данном случае для национальных государств доступны управление землей и природными ресурсами, осуществление контроля над своими системами снабжения и электричеством. Последовало инфраструктурное развитие электросетей, что, скорее всего, было бы невозможно ранее.

Появляется возможность возникновения национальных противовесов, но необходим выбор средств контроля за капиталом в течение всего периода. В 1885 году финансовая система была сформирована, но не предполагалось широкого распространения таких схем развития инвестиций. Инвестиционная и тарифная политика далеко не всегда успешно применяется. Существуют и другие инструменты, которые нигде не действуют, кроме как в Китае, где существует единое руководство. Современные правительства, граждане, государства дрейфуют в направлении развития потребления.

Успех глобализации в разных странах вряд ли был возможен без политических изменений, которые могут быть разными в различных странах и привести к появлению определенных политических явлений, в том числе политического кризиса, связанного с тем, что молодые избиратели иначе понимают социальные механизмы. Это особенно отчетливо проявилось в настоящее время в США, где пожилой кандидат-еврей привлекает молодых американских избирателей под знамена социализма. Многие тенденции в Европе развиваются в этом направлении.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Слово предоставляется профессору Тегеранского университета госпоже Насрин Мосаффа.

Н. МОСАФФА: — Хочу поблагодарить организаторов Лихачевских чтений за приглашение выступить на этой конференции. Мой доклад посвящен теме международного сотрудничества, международного порядка и проблемам, стоящим перед всем человечеством. Хотела бы обратить ваше внимание на следующий момент: в течение двух рабочих дней я — первая женщина, которая выступает здесь с докладом. (Как правило, участие женщин в конференции в качестве докладчика воспринимается отрицательно.)

Также хотела бы обратить внимание на судьбу женщин и детей во время военных действий. Как объяснить страдания женщин, причиненные им ДАИШ и «Бoko хаарам» в Нигерии? Как с экономической точки зрения можно объяснить проблемы, которые затрагивают национальные интересы всех стран, глобализацию в восточной части Азии и других частях мира? Мир велик, поэтому наделение женщин дополнительными полномочиями, властью — одна из необходимых

мер для мирового сообщества. Может быть, стоит избрать женщину на пост Генерального секретаря ООН? Женщины должны участвовать в конференциях, делать доклады и рассматривать «женские» вопросы во всех аспектах.

Ал. А. ГРОМЬКО: — Слово предоставляется со-руководителю нашей секции господину Моратиносу.

М. А. МОРАТИНОС: — Я рад, что мы обсуждаем интересную тему связи между национальными интересами и международными делами. Чтобы прийти к каким-либо выводам, надо выслушать различные точки зрения. Думаю, что подобные дискуссии важны как для академической аудитории, так и для политиков.

Большинство из нас придерживаются мнения, что глобализация необратима. Но я считаю, что это обязательно так. Вопрос состоит в том, что мы не хотим признать сложности нового мира. Профессор дела Сала сказал, что нам нужен гибкий суверенитет государств. Мы должны приветствовать новых авторов международных отношений, среди них могут быть и национальные государства.

Мир изменился. Но кто сегодня правит миром? Таких «правителей» много. Пятьдесят лет назад это были супердержавы, затем наступила эпоха американского мира — *Rex Americana*. Возможно, когда-нибудь мир превратится в многонациональную корпорацию, а править будут неправительственные организации. Или, например, женские ассоциации. Как бы то ни было, все структуры в этом участвуют и содействуют становлению нового мира. Так что у нас появились новые действующие лица, и мы должны попытаться адаптироваться к сегодняшней реальности. Это означает появление новой повестки дня: новые вызовы мирового масштаба, новый терроризм, изменение климата, безопасность, миграция, новые инструменты решения проблем.

Многое меняют современные технологии, виртуальный мир. Нужны другие институты, поэтому мы должны реформировать старые институты и учредить новые. Как мы это сделаем? Необходимо, чтобы они обладали легитимной властью и авторитетом, дабы иметь возможность изменить мировую систему. И придется вернуться к тем ключевым темам, о чем сказал профессор Джеймс Гэлбрейт: это ресурсы, финансы и власть. Мы с самого начала пытаемся внедрить какие-то новые правила и процедуры, в течение двух дней обсуждаем наше «планетарное братство», как говорил профессор Джеффри Сакс. Природные ресурсы принадлежат всем людям, а не только отдельным государствам. Как сделать мир устойчивым и развивающимся? Мы должны согласовать это со всем международным сообществом. Что касается финансов, то нам надо решить, должна ли сохраниться Бреттон-Вудская система, которая ввела механизмы, предотвращающие финансовые кризисы в Европе. Но сейчас они уже не могут защитить сами себя. Алексей Громько говорил, что идет, видимо, охота за ресурсами. Когда Голландский банк начинает влиять на решения Европейского центрального банка, как

должен на это реагировать рынок? Что делать с финансами в институциональном плане?

Надо также регулировать Интернет. В этом должны участвовать мы все, для этого есть большие возможности. Успех возможен только там, где частный сектор, гражданское общество, средства массовой информации — все работают слаженно на одну цель. Это новый мир и новая дипломатия. То есть вопрос не в национальных государствах, а в создании институтов, которые могли бы способствовать новой реформе с участием всех действующих лиц. Это то, что мы должны сделать в ближайшем будущем.

Ал. А. ГРОМЬКО: — Вопрос о том, кто правит миром, в России называют вопросом на миллион долларов. С точки зрения теории глобального регулирования и управления вопрос о том, кто будет править миром в XXI веке, — ключевой. В России большинство специалистов по международным отношениям придерживаются концепции полицентризма. В Евросоюзе распространена концепция многосторонности, которая близка, но отличается от концепции полицентризма. И споры на эту тему будут вестись еще долго.

Полицентризм, как и глобализация, неизбежен, но возможны разные модели полицентризма. Скорее всего, полицентризм будет иерархическим, в нем будут эшелоны (первый, второй, третий). Другое дело, что между ними не будет непроницаемых перегородок, можно будет передвигаться из одной категории в другую. То есть это будет динамичная модель, и, надо надеяться, в целом стабильная.

Господин Моратинос, Вы сказали, что ООН требуется глубокая реформа. Это бесспорно, но нужно осторожно реализовывать идею о реформировании, потому что в ходе непродуманной реформы можно выплеснуть «ребенка вместе с водой» и погубить то, что было хорошего.

Слово предоставляется профессору Литтлджону.

Г. ЛИТТЛДЖОН: — Я хотел бы поговорить о миграционном кризисе в Европе и о трудностях, с которыми столкнулась Еврокомиссия при определении стратегии его разрешения. Мир меняется очень быстро, и приходится реагировать на эти изменения. Кризис беженцев связан с проблемой терроризма, активизировавшегося в Западном полушарии. Политики проигнорировали предупреждения, поступающие от специальных служб, и частично поощряли беженцев, а иногда и заставляли людей покидать свои родные места. Многие беженцы к ним обращались по социальным сетям, таким как Twitter, и видно, что деятельность ИГИЛ в Twitter особенно активизировалась в то время суток, которое совпадает с временным поясом Калифорнии. То есть ИГИЛ представлен и в Америке, вероятно, в Калифорнии. Это говорит о том, что группировка достаточно сложно организована, и на это нельзя не обращать внимания. Кроме того, безусловно, практикуется принуждение, и вдобавок ИГИЛ действительно получал очень много денег — до тех пор, пока некоторые пути поставок не были прерваны. Как бы то ни было, ИГИЛ располагает большими финансовыми ресурсами

ми. Есть по крайней мере одно сообщение (правда, не подтвержденное), что террористы прибыли в Европу через Украину и будут пытаться получить визу в европейскую страну. Не знаю, правда ли это. Оценки числа беженцев, прибывших в Европу, различаются, но чаще всего говорят о 55 тыс. человек. Германские источники оценивают их количество в 20–25 тыс. человек. Не знаю, отмечались ли случаи контрабанды оружия (думаю, что нет, сейчас люди слишком напуганы), но прибытие в Европу боевиков с вооружением декларировалось ИГИЛ. Сейчас греки сообщают о полном контейнере оружия с патронами, который был конфискован на одном из судов.

В связи с беженцами Европа сталкивается с особыми проблемами, в частности с беспорядками, возможно, подогреваемыми ДАИШ. Но проблема еще и в том, что в Западной Европе плохо налажено сотрудничество между службами разведки. Террористические акты произошли в двух больших городах, где полицейские говорят на одном языке, и связь между этими событиями, безусловно, была. То есть нападение могла осуществить одна и та же ячейка боевиков. Почему эти проблемы вообще возникают? В Великобритании имеется служба разведки, и она была бы рада поделиться информацией и получить в ответ информацию от коллег из других стран.

Возможно, еще более актуальная проблема, с которой мы встречаемся каждый день, — то, что на адаптацию беженцев требуется время, и европейцы должны с этим смириться. Необходимо обратить внимание на различные факторы и наращивать свои возможности в борьбе с терроризмом, как это было в конце 1980-х годов. Надо разработать стратегию борьбы с терроризмом, присоединиться к «вашингтонскому консенсусу» и одновременно, конечно, осуществлять собственную стратегию. Но пока Европейский Союз опаздывает, не успевает вовремя реагировать на изменения в мире.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Профессор Галис, Вам слово.

Г. ГАЛИС: — Уважаемые коллеги, чтобы избежать путаницы понятий глобализации и глобализма, предлагаю прочитать статью Генри Киссинджера в газете “Washington Post” от 5 октября 1998 года. Я прочту две важные строчки из нее: «Вся идея глобализма зависит от мировой политической и экономической организации. В отличие от экономики, политика делит мир на национальные образования. И почему политические лидеры принимают до некоторой степени страдания политические, чтобы развить экономику? Они не могут согласиться с принуждением их к таким производным от их вопросов, которые насаждаются из-за рубежа».

Ал. А. ГРОМЫКО: — Спасибо за то, что Вы привлекли наше внимание к принципиальной разнице между этими двумя терминами.

Слово предоставляется лорду Мойнихену.

К. МОЙНИХЕН: — В Великобритании сейчас в самом разгаре дебаты о суверенитете в рамках Ев-

ропейского Союза. Рискну сделать прогноз: скорее всего, решение остаться в Евросоюзе будет принято, но с очень малым перевесом голосов.

При традиционном полном суверенитете любое государство руководствуется прежде всего национальными интересами и заботами страны. В обществе идут споры о том, ограничивать ли применение национального суверенитета в Великобритании. Мы пожертвовали частью своего суверенитета, когда присоединились к объединенной Европе в 1973 году. А в рамках Европейского Союза мы можем обсудить уровень суверенитета, который нам требуется. Есть aberrации, одна из них — сицилийская фасоль. Я бы рекомендовал говорить «итальянская фасоль с Сицилии».

Важно, что каждое правительство может рассмотреть форму и объем суверенитета. Мы делегируем свой суверенитет НАТО, Европейскому Союзу, но думаем ли мы, что у нас есть возможность вернуть его? В условиях глобализации мы, британцы, часто обсуждаем свои национальные интересы и суверенитет. Способность сохранить суверенитет подразумевает возможность отказаться от законов, которые его ущемляют.

Есть интересная точка зрения относительно Google-платформы. Google не обязательно обеспечивает эту платформу. Google формируется в алгоритме, который имеет наибольший спрос у пользователей. Как они представляют это себе, в каком порядке?

Как мы сотрудничаем, что мы должны делать? Я не могу не согласиться с тем, о чем говорил Джеймс. Он выступает против дерегуляции, но делает много оговорок, и я думаю, что мы все от этого выиграем. Конечно, он может лучше судить о том, что хорошо и плохо в этих вопросах. Наконец, я верю, что результат дебатов приведет к общему выигрышу и позволит создать более сильную Европу. В данном случае понимаю граждан стран — участниц Европейского Союза. Мы ничего не можем сделать идеально, но должны бороться за то, чтобы наилучшим образом отражать волю людей, которых мы представляем, в разных сферах — политической, социальной, образовательной и т. д.

В заключение выражу согласие с высказанной точкой зрения об усилении роли женщин в международных выборных органах, в том числе и в ООН. Похвально, что коллеги подняли этот вопрос.

Я очень благодарен ведущему нашей конференции и рад, что смог принять в ней участие.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Уважаемые коллеги, слово предоставляется академику Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Я не политолог, не гуманитарий, я врач-иммунолог. Мы здесь сегодня обсуждаем международное партнерство и национальные интересы. Я хочу поговорить о науке в международных отношениях, в партнерстве, потому что благодаря науке мы здесь сидим, обсуждаем разные вопросы независимо от того, у кого какие отношения складываются. Наука интернациональна, но, как писал Пастер, мы-то все национальны. И та держава впереди, где наука на пер-

вом месте. То есть наука определяет очень и очень многое. Что такое «Большая двадцатка»? Это передовые страны в научном отношении — все без исключения. Если 10 стран делают науку фундаментальную, примерно восемь фундаментальных направлений, начиная от математики и заканчивая науками о земле, о жизни, то в остальных есть общемировая градация на науки экономические и гуманитарные. Во всех этих государствах впереди наука.

А мы тем более должны поговорить о науке здесь, потому что Санкт-Петербург — колыбель российской науки. В 1724 году Петр I издал указ о создании Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Позже ее разделили, и Санкт-Петербургская академия потом стала Российской, потом Академией наук СССР, сейчас она опять называется Российской академией наук. Петр, как известно, много раз бывал в Голландии, Англии, Германии, и 25 лет думал о том, как в неграмотной стране России, где было всего два высших учебных заведения церковной направленности — Спасские школы и Киево-Могилянская школа (ну еще Дерптский университет, но там преподавали на немецком языке), построить светский университет. Когда Ломоносов приехал в Германию в 1736 году, первое, что его поразило, — то, что Марбургский университет отмечал свое 250-летие. Он сказал: «Как же так? Там 250 лет отмечают университету, а мы имеем две церковные школы». Поэтому, вернувшись в Россию, он воплотил свою идею о создании Московского университета в 1755 году. Так что университет в Москве — это рукотворное дело Михаила Васильевича Ломоносова и графа Ивана Ивановича Шувалова, который ему помогал.

Ломоносов написал свое знаменитое письмо Шувалову «Рассуждение о размножении и сохранении русского народа», где указал: «Величие, могущество и богатство всякого государства состоит в сохранении и размножении русского народа». Это был 1761 год. Это письмо считается первым трудом по демографии в России. А сегодня мы что видим? Появился специальный термин в медицине и социологии — социоптоз, обозначающий уничтожение собственного народа. Уже три года существует этот термин, который, кстати, взяли из иммунологии, преобразовав из апоптоза — уничтожения раковых клеток киллерами иммунной системы, а тут социоптоз — уничтожение собственного народа. Такого никогда не было, а сейчас это появилось в ряде стран.

Я хочу сказать, что ученые, конечно, много работали, много делали, чтобы помочь Петру I найти решение, как создать академию в России, где не было ни одного доктора наук. Нашли гениальное решение. Петр сразу создает при академии университет, а при университете — гимназию. А кто академики? Семнадцать приглашенных — из Швейцарии, Германии, Франции. Самый молодой — Леонард Эйлер (19 лет), самый старший — Якоб Герман (42 года), оба из Базеля, Швейцария. Они сразу избираются академиками. Эйлер, великий математик, за два года до приглашения в Россию окончил медицинский факультет, а в России сразу стал академиком. Кстати, оба величайших

ученых — Ломоносов и Эйлер — похоронены здесь, в Александро-Невской лавре, на старом кладбище. То есть иностранцы принесли свою научную культуру, но наши потом 150 лет боролись с тем, чтобы российские ученые все-таки в своей стране вышли на передовые позиции. Уже при Николае I, когда завершалась Крымская кампания, произошел очередной кризис, и наука в России при Александре II стала очень бурно развиваться. И последние 290 лет, что существует Академия наук, Россия всегда находится в первой мировой научной десятке.

Мы говорим о технологических укладах, их смене и т. д. А кто это все придумал? Это придумал 45-летний российский, советский профессор Николай Дмитриевич Кондратьев, который был расстрелян в 1938 году за то, что доказал, что, оказывается, движение экономики и общества зависит не только от классовых борьбы, но и от смены технологических укладов. Он выделил шесть укладов начиная с 1780 года. То есть уже более 100 лет можно было анализировать. Первые уклады — это антропогенная техносфера, которая существует уже 200 лет, а до того был первозданный мир. То есть 200 лет промышленность развивается по нарастающей. Сейчас апогей техносферы. Владимир Иванович Вернадский, один из основателей Украинской академии наук, Симферопольского университета, выдающийся ученый, стоявший во главе атомного проекта Советского Союза, создал учение о ноосфере (от *грек.* νόος — разум и σφαῖρα — шар). Он утверждал, что вслед за техносферой неизбежно придет ноосфера, иначе мы сами себя уьем, погибнем в техносфере. И вот получается: с 1780 по 1830 год — 50 лет, далее 50 лет до 1880-го и еще 50 лет — до 1930 года. В 1930–1940-х годах заканчивается третий уклад, а Советский Союз все еще находился во втором укладе, когда доминировали паровые двигатели, потому что 90 % населения проживало в сельской местности.

Великая Отечественная война явилась тем мощным толчком, как сейчас говорят, инновационным прорывом, который стимулировал развитие страны по всем направлениям. Кондратьев подсчитал, как история показывает, что каждый уклад длится примерно 50 лет. И он рассчитал, что пятый уклад сменит четвертый в 1985–1990 годах, начнется в 1990-м и закончится в 2040-м, а потом наступит шестой уклад. Он не знал, что это будет за уклад, он не сказал, что это будет период развития робототехники, НБИКС-технологий (нано-, био-, инфо-, когнитивные и гуманитарно-социальные технологии). Но он сказал, что будет примерно шесть укладов, шестой закончится в 2090–2095 годах. Сейчас социологи утверждают, что чем выше уклад, тем ускорение нарастает, и уже не 50, а 35–40 лет достаточно для развития уклада. Мы видим: в 1990 году начался век микроэлектроники, прошло 26 лет — и уже в развитых странах «Большой семерки» на 20–30 % развился шестой уклад. Сейчас на взлете развитие НБИКС-технологий и робототехники, значит, если такое же ускорение будет продолжаться, то шестой уклад закончится примерно в 2050–2070-х годах.

Конечно, ученые все это предсказывают, но как это реализуется в реальной жизни? Россия нарушила оче-

редность укладов — это подтверждают все — и с 1930 по 1970 год перепрыгнула из эпохи парового двигателя в эру тяжелого машиностроения, потому что, повторю, высшим катализатором явилась война, унесшая 27 млн жизней, что вызвало огромное напряжение всего народа. Вся Академия наук работала на производство — делали, делали и делали. Например, Евгений Оскарович Патон, директор Института электросварки на Украине в Киеве (также работал в Нижнем Тагиле), создал новую броню для танка Т-34, который сегодня называют «мерседесом» на поле боя за то, что он проходимый, легкий и т. д. Это лучший танк Второй мировой войны, что признано всеми специалистами (я только повторяю то, что говорят инженеры). И поэтому, конечно же, наука вносит очень многое в развитие страны, сколько бы мы ни говорили о том, что развитие науки зависит от состояния страны, традиций и т. д.

Сегодня многие страны владеют ядерным оружием, но кто сделал ядерное оружие от нуля до изделия? Первыми были Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. Другие страны только заимствовали у нас. Почему? Не потому, что там нет ученых, но попробуйте создать все от и до — это же огромная махина, чистый плутоний. Нужны соответствующая транспортировка, меры защиты и безопасности, испытательные полигоны и т. д. В то же время наука показывает: а где сейчас проводятся испытания атомных, ядерных, водородных бомб? Мы 30 лет уже ничего об этом не слышим — в Неваде не взрывают, в Семипалатинске не взрывают, нигде на Большой земле не взрывают. А куда делись практические испытания? Наука, математика, компьютерное моделирование позволили избежать реальных испытаний. В программу закладывается по несколько тысяч параметров для испытания новейшего оружия — и компьютерное моделирование все показывает и рассказывает: какая смертность, какая ударная волна, какое облучение и т. д. Все, опять наука.

Вернемся к истории. Авторитет Российской академии наук в XVIII–XIX веках был достаточно высок. Кстати, она располагалась на Васильевском острове в здании, построенном в 1783 году архитектором Кваренги по личному указанию Екатерины II (сейчас там располагается Санкт-Петербургский научный центр РАН, возглавляемый Жоресом Ивановичем Алферовым). Это прекрасное здание, где сохранилась панорама из мозаики «Полтавская битва», собственноручно собранная Ломоносовым, на которой изображен Петр I. Конечно, многое меняется в нашем менталитете. Когда лет 20 назад я был под Полтавой (на конференции в Полтавском мединституте), мы ездили на место, где состоялась Полтавская битва (в которой русские войска разгромили шведов). И я в первый раз увидел небольшой памятник, сложенный из ядер, без постамента — и доска «Моим учителям шведам. Петр I». Сейчас такое себе трудно представить. Вот такое отношение к учителям при любом раскладе.

Надо анализировать, понимать, что есть общечеловеческие ценности, а есть свое, национальное. Бывает так, что проходят годы, и тот, кто был первым врагом, даже испытывал ненависть, становится лучшим дру-

гом. Такова человеческая психология. Единственное, что нужно сделать, — растянуть во времени, потому что вначале слишком сильны аффекты, а когда все это пролонгируется, то все переосмысливается, переоценивается, приходит понимание всех обстоятельств. Мы должны уделять огромное внимание научным исследованиям, стремясь сделать нашу страну обязательно развитой с точки зрения, пускай маленькой, вузовской, какой-то прикладной, но науки. Потому что наука заставляет мыслить, оценивать, объективно подходить к международным событиям.

И я хочу закончить свое выступление напоминанием, что раньше у нас наука высоко ценилась, а Академию наук с почтением называли «Василеостровским Ватиканом». Она была таким же неприступным, недоступным, величественным «государством в государстве», куда невозможно попасть — только единицы могли это сделать, и тогда они определяли все. Если академик писал прошение царю, то по регламенту он должен быть принят не позже, чем на третий день, а может быть, даже на второй. Таково было отношение к Академии наук в России в то время. Я завершаю свое выступление словами Ломоносова: «Наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека... везде верный и безотлучный спутник». Я понимаю, что он относил это к своему времени, но это должно быть актуально и в наши дни.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Валерий Александрович затронул тему, которая у нас еще не освещалась, — это функция науки в обществе и вообще в истории. Я думаю, эта тема говорит еще об одном — о наличии или отсутствии в развитии той или иной страны, того или иного общества стратегического мышления. Мне кажется, что ни одно государство, и Валерий Александрович об этом очень ясно сказал, не может достичь высоких целей и выбиться в лидеры в той или иной сфере, если у него нет стратегии. А наука — это, безусловно, всегда стратегия. Очень интересная мысль о техносфере и ноосфере. XX век, и особенно Карибский кризис 1962 года, очень ярко показал, насколько человеческое мышление может отставать от развития техники и тем самым ставить мир в буквальном смысле слова на грань самоуничтожения. Спасибо, Валерий Александрович.

Слово предоставляется нашему гостю с Украины профессору Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Дорогие коллеги, проблема противоречий глобализации и национальных (или региональных) интересов, которую мы обсуждаем, — в общем-то, не нова. Она стоит на повестке дня человечества с давних времен. И мы должны отдавать себе отчет, что глобализация — это не благотворительная акция, а борьба сильного за обладание территориями, ресурсами и подданными слабых. Между глобализатором и глобализованными никогда не было ни мира, ни гармонии, хотя справедливости ради следует сказать, что в исторической перспективе глобализация оказывалась позитивной и для вовлеченных в нее народов. Вспомним, как Римская империя своей цивили-

зацией охватила половину европейского материка, что сообщило потом покоренным народам ускоренное развитие по сравнению с теми варварами, которые не вошли в Римский лимес. Через какое-то время глобализованные варвары сами превратились в глобализаторов, сокрушив Рим и его блестящую цивилизацию.

Что-то похожее произошло в наше время с Советским Союзом. Он не был идеальным образованием, но определенно обеспечил условия для формирования государственности народов, входивших в его состав. Союзные республики в нем получили свои институты управления, четкие границы. Были сохранены также национальные языки и культуры. После распада Союза они продолжили свое независимое развитие уже в готовых организационных формах. В знак «благодарности» за это все дружно прокляли государство, в котором состоялись.

Оба примера свидетельствуют о противоречивости процессов глобализации. С одной стороны, она обеспечивает господство сильного, с другой — создает условия и для развития слабых — покоренных — народов. Одним народам это удается лучше, другим — хуже. К примеру, Польша, имевшая стартовые условия более низкие, чем Украина, в результате вовлечения в западный глобализационный проект ушла далеко вперед, а Украина растеряла даже те преимущества, которые были ей сообщены предыдущим этапом советской глобализации.

Здесь я просто констатировал факт. Отражает ли он несовершенство механизмов глобализации, которая пришла на Украину из Европы и Соединенных Штатов, или же свидетельствует о неумении воспользоваться ее возможностями, сказать сложно. Это вопрос, который требует исследовательского ответа.

Еще несколько слов о смутившем меня вчерашнем заявлении господина Моратиноса о том, кто же должен управлять миром в будущем. Мне оно показалось неожиданным, поскольку я был убежден, что международное сообщество уже давно нашло на него ответ, создав сначала Лигу Наций, а затем Организацию Объединенных Наций. Если дипломат высокого ранга именно так формулирует вопрос, значит, он не верит в будущее ООН. Но если Организация Объединенных Наций не будет «править миром», тогда это будет делать глобализатор. Сегодня — Соединенные Штаты Америки, завтра, возможно, Китай, послезавтра — кто-либо еще. Я не думаю, что это тот путь, по которому должно идти человечество. Убежден, что нельзя ставить под сомнение авторитет Организации Объединенных Наций. Разумной альтернативы ей просто нет.

Ал. А. ГРОМЬКО: — Спасибо, Петр Петрович, в том числе за то, что Вы подняли тему роли Организации Объединенных Наций. Мы помним, как в начале этого столетия очень серьезно ставился вопрос о том, нужна ли вообще ООН. В период неоконсервативной внешней политики Соединенных Штатов на очень высоком уровне делались заявления о том, что ООН не является для ведущей страны мира авторитетом и площадкой, на которую надо обращать внимание.

Слово предоставляется господину Брюно Дегардену.

Б. ДЕГАРДЕН: — В годы холодной войны я был студентом, международная политика характеризовалась выражением «Невозможно, но тем не менее вероятно». Сейчас контекст, конечно, совершенно другой. Мы живем в открытом мире, и национальные интересы должны сопровождаться международным партнерством. Я постараюсь это доказать двумя тезисами.

Во-первых, сегодня многие страны имеют столько смертоносного оружия, что в состоянии уничтожить планету, и это может произойти непреднамеренно. На долю США — самой развитой и сильной державы — приходится 20 % мирового ВВП. За всю историю этой страны они участвовали в пяти войнах. Во Вьетнаме, Афганистане и Ираке Соединенные Штаты не добились успехов, хотя, как казалось, могли легко это сделать. А сегодняшний опыт многих государств свидетельствует, что они не в состоянии контролировать миграцию. 20 крупнейших стран производят 85 % мирового ВВП. Возникает вопрос: почему же на остальные приходится всего 15 %? Это говорит о том, что они очень слабые и отсталые.

Во-вторых, демократические режимы во всем мире сегодня подвергаются испытанию — по внутренним и внешним причинам. Внутренние вызовы — социальные, порождающие популизм, и экономические (дефляция). Внешний вызов — террористическая угроза.

Глобализация — не настолько большая угроза, как представляется многим. Она направлена на то, чтобы капитализм перестал развиваться бесконтрольно, чтобы наши экономики открывались для внешнего мира, а не изолировались с помощью протекционизма.

Когда мы плыли на катере по Неве, наслаждаясь красотами Петербурга, нам рассказывали, что город был создан Петром I, а до него Россия была слаборазвитой страной. Позднее, в годы царствования Екатерины Великой (которая, между прочим, имела немецкие корни), страна изменилась еще больше, хотя модернизация и произошла с некоторым опозданием по сравнению с европейскими странами. Дело в том, что Петр I, когда стал царем, провел 18 месяцев в Западной Европе, чтобы почерпнуть там лучшие идеи. Он приглашал в Россию европейских ученых и архитекторов — итальянцев, французов, голландцев. Мы и сегодня видим успех этой политики, так же как и достижения страны во времена Екатерины II.

Политика изоляции и закрытия границ не имеет будущего. История знает примеры Китая с его Великой стеной, протянувшейся на 800 км, Соединенных Штатов, которые продолжают конфликтовать с Мексикой, несмотря на тесные связи в экономике и культуре. Сейчас израильтяне пытаются возвести стену между своей страной и Палестиной. Народ хочет перемен, открытости навстречу другим странам и народам. Экономически Европейский Союз (16,5 % мирового ВВП) лишь немного уступает американскому, и я думаю, что наше партнерство приносит большую пользу. У Европы есть возможность углубить и укрепить солидарность, нам это нужно в международном контексте.

Наконец, протекционизм, как свидетельствует история, никогда не приводил к успеху. Что происходит в экономике в результате протекционистских мер? Мы

начинаем производить внутри страны то, что можем импортировать за гораздо меньшую цену, увеличивая таким образом свои расходы. Давайте представим, что сейчас страны еврозоны, например Италия или Испания, решат вернуться к национальным валютам. Процентные ставки у них вырастут, инфляция тоже, в результате снизится жизненный уровень.

Мы уже далеко ушли от Вестфальского мирного договора 1648 года, когда делегаты европейских стран собрались на конгресс и прекратили Тридцатилетнюю войну. Сегодня у нас все по-другому, но мы все разделяем одни и те же ценности.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Вы рассказывали о том впечатлении, которое произвел на вас Санкт-Петербург. Я хочу сказать, что Петербург, возможно, был одним из наиболее успешных проектов Петра. Но возникает вопрос, который можно назвать вопросом цены прогресса. Петербург был построен высокой ценой человеческой жизни. Есть расхожее выражение, что этот город стоит на костях его строителей, и я думаю, что можно привести множество таких примеров из истории: например, промышленная революция в Англии тоже была проведена ценой человеческих жизней.

Интересная тема касалась вестфальской системы. Ни одна из моделей международных отношений, которые существовали в предыдущие века, не пропала. Из них какие-то ключевые принципы перетекали в новые модели, и вестфальская система дала нам принцип национального, точнее, государственного суверенитета (национальных государств в современном смысле тогда еще не было). Удивительно, как проходили встречи, которые привели к заключению Вестфальского мира. Тогда этот принцип суверенитета был возведен настолько высоко, что протокол встреч предполагал, что в зал руководители государств должны входить одновременно. Открывалось несколько дверей, и одновременно все входили в зал, чтобы не возникало какой-либо очередности — кто-то входит первым, кто-то вторым и т. д.

Слово предоставляется господину Амели.

С. Р. АМЕЛИ: — Я коснусь национальных и международных аспектов решения конфликтов в международном масштабе. В связи с этим вернусь к концепции глобализации, которая, как я полагаю, включает понятие глобального соседства. Образно выражаясь, мы все находимся в одной лодке. То, что случается в моей стране, влияет на вашу жизнь, происходящее в вашей — отражается на моей. Поэтому дискриминация меньшинства всегда эквивалентна дискриминации большинства. Если в Европе загорится исламофобия, то это коснется всех. Например, в Лондоне живет 1 миллион мусульман. По сути, это угнетенное меньшинство, живущее в страхе. И не только в Лондоне. Согласно опросам общественного мнения, проведенным в Германии, Франции, Великобритании, Соединенных Штатах и других странах Запада, практически 80 % мусульман испытывают постоянный страх.

Мы часто говорим о том, что времена менялись. Но как взаимосвязано физическое время и виртуаль-

ное? Время в физическом мире — это категория, о которой говорил еще Ньютон. Мы воспринимаем время как движение, расстояние и скорость. Это три компонента, к которым время имеет прямое отношение. Чем больше скорость, тем меньше расстояние. А что происходит в виртуальном пространстве? Там нет расстояний. Мы преодолеваем концепцию времени, но остается понятие движения и скорости. Мы говорим о синхронизированном времени: семь дней в неделе, 24 часа в сутках, 365 дней в году. Но сегодня, когда речь заходит, например, об Африке с точки зрения американцев или об Иране с точки зрения Великобритании или России, мы воспринимаем Африку как нечто находящееся рядом, а не где-то далеко. Поэтому надо уметь разрешать конфликты. Политики, высказывая свои мнения о тех или иных вопросах, зависят при этом от своих партий. Мы часто не говорим того, что хотим сказать. Более реалистичными стараются быть ученые. Они не связаны партийной принадлежностью и их не ограничивают традиционные догмы. Порой нам необходимо «разнакомиться» — отбросить все, что было известно до сих пор, похоронить прошлое и начать все заново, с чистого листа. Возможно, это постмодернистский подход, но он может оказаться полезным.

Десять библейских заповедей говорят о том, что хорошо для вас и для других, и о том, что плохо для вас и для вашего соседа. Сегодня мы должны руководствоваться новой идеей: то, что хорошо для моего соседа, хорошо и для меня. А зло может вернуться бумерангом. Поэтому наше прошлое может выстрелить в настоящее и будущее.

Давайте посмотрим на мир трезвым взглядом. Нужны ли нам сегодня большие армии, когда один человек в состоянии сделать столько, сколько никакая армия не сможет? Насилие не является производной от мусульманства или христианства — его творят преступники, дурные люди.

Перед нами стоят три препятствия, мешающие разрешению конфликтов в международном масштабе. Первое — это политические догмы, когда люди руководствуются только политическими целями или интересами отдельно взятой страны. Второе препятствие — военный бизнес, стоящий за многими международными конфликтами. В результате появляются такие меры, как санкции, распространяются такие настроения, как, например, русофобия. В XX веке перед обеими мировыми войнами именно военно-промышленные круги создавали японофобию. Когда произошли события в Хиросиме и Нагасаки, американцы не возмутились, не ужаснулись. Напротив, многие говорили: «Почему не разбомбили всю Японию?». Сегодня похожие пожелания звучат в отношении Ирана, потому что существует иранофобия. Триллионы долларов расходуются на военные цели. Это бизнес, и тем, кто им занимается, нужно такое состояние, чтобы продавать свои орудия убийства.

Третье препятствие — средства массовой информации. Они создают иллюзию понимания, изменения реальности. Люди, впервые приезжающие в Иран, говорят, что представляли его совершенно другим. Дело в том, что у СМИ свои задачи. Западные журналисты

хотят показать, что они беспристрастны и справедливы, но это не так. А я хочу сказать, что плохое понимание создает и плохое представительство. Мутации, изменения приводят к тому, что человек становится никем. А когда человек не представляет собой ценностной единицы, ему надо доказывать свою значимость. Поэтому мы вынуждены снова завоевывать признание и уважение.

Ал. А. ГРОМЬКО: — Господин Амели, в связи с тем, что Вы сказали, хотел бы вспомнить о том, что недавно новым мэром Лондона был избран мусульманин Садик Хан, что, конечно, является очень примечательным событием. По-моему, до сих пор ни одну европейскую столицу не возглавлял мусульманин, и в Британии это событие показывает, что заявления о смерти мультикультурализма поспешны. Большинство тех, кто приезжает в Европу и оседает там, — законопослушные граждане, которые вносят свой вклад в жизнь этого континента. Вопрос в том, что делать с теми, кто этого не делает.

Несколько лет назад в Великобритании второй по населению город в стране — Бирмингем — перешел определенный рубеж: теперь там более 50 % населения — не белые граждане, и среди большей части населения Бирмингема большинство — это мусульмане. Кто бывал в Бирмингеме 30 лет назад и в последнее время, может явно сравнить, как город сильно изменился, в том числе визуально, но в целом мир между религиями и этносами там поддерживается. Ни одного крупного террористического акта в Бирмингеме не было. Этот пример говорит о том, что для Европы смешение населения, которое происходило здесь тысячелетиями, и в XXI веке не обязательно должно стать проблемой, если, конечно, искусственно не нагнетать страсти.

Советский Союз на 40 % был мусульманской страной. В России сейчас этот процент в два раза ниже, но все равно страна знает о мультикультурализме не понаслышке — это то, что было присуще ей на протяжении многих веков. Поэтому обогащение опытом, о котором мы говорили сегодня на примере того же Петра I, видимо, так же важно для наших стран в XXI веке, как это было в предыдущие периоды.

Дальше слово предоставляется господину Саджанхару.

А. САДЖАНХАР: — Я кратко остановлюсь на опыте моей страны. Индия начала включаться в глобализацию в начале 1990-х годов. С точки зрения экономического и политического климата это было не лучшее время для нас, чтобы стать открытой страной. Мы имели большие возможности, правда, не все их использовали. Когда в начале 1990-х распался Советский Союз, который был для нас важным партнером во всех областях, Индия пережила настоящий шок. Государственных валютных резервов оставалось на 10 дней. В это сложное время Индия вступила в эпоху глобализации.

В Индии для любой частнопредпринимательской деятельности надо было получать лицензию и при этом

выполнить ряд условий. Но затем началось развитие в области торговли, инвестиций, производства, в том числе с участием иностранного капитала. В последние 25 лет Индия сделала большой рывок, хотя часто приходится слышать, что надо двигаться гораздо быстрее и еще больше открывать нашу экономику. Но мы не хотим использовать шоковую терапию, как это было в России, а выступаем за контролируемый и регулируемый процесс.

Сегодня, после 25 лет реформ, наш ВВП достигает 2,3 трлн долларов по номиналу и около 8 трлн долларов по паритету покупательной способности (3-е место в мире). Темпы роста — более 7 % в год. Я считаю, что это обнадеживающая динамика. Понятно, что в стране решены далеко не все проблемы. Еще многое предстоит сделать в области образования, здравоохранения, сельскохозяйственного производства, потому что до сих пор 65 % населения живут на селе. Но мы понимаем, что если мы не увеличим размер «пирога», то и доли, которые достаются отдельным «едокам», больше не станут. Надо помнить и о том, что глобализация касается не только товаров, финансов, технологий и т. д. Главное — мы уже стали на путь развития экономики знаний. В настоящее время без этого ни одна страна развиваться не может.

Для того чтобы сократить разрыв между доходами богатых и бедных слоев населения, необходимо развивать частное предпринимательство. До сих пор большую роль играло государственное регулирование, контроль частного сектора. Сегодня у нас гораздо больше возможностей с точки зрения налаживания инвестиционного климата, создания современных норм и правил. В этом контексте большое значение имеет деятельность международных организаций, с помощью которых можно гармонизировать национальные и глобальные интересы. В связи с этим хотелось бы упомянуть два аспекта. С одной стороны, отличную инициативу предприняла ООН, создав глобальную программу для частных предприятий на основе соблюдения этических требований. Там указано, что необходимо стимулировать рентабельность частного сектора, поскольку его развитие способствует процветанию всего общества в целом. Это беспроигрышная стратегия. Таким образом, Индия действует в интересах своих граждан. С другой стороны, в стране работает большое количество транснациональных корпораций.

В заключение скажу, что роль Организации объединенных наций в международном сообществе должна возрасти. На пороге нового века ООН провозгласила задачи тысячелетия в области культуры, здравоохранения, образования и т. д. Но за полтора десятка лет мы почувствовали, что, хотя эта программа реализуется, но только в развивающихся странах. А к развитым никаких требований не предъявляется, как будто они уже достигли идеального состояния. Сейчас мы говорим о задачах устойчивого развития, которые были сформулированы 25 сентября прошлого года на Генеральной ассамблее ООН. Думаю, что это гораздо более реалистичная программа, так как в ней предъявляются требования ко всем странам — и развивающимся, и экономически развитым, которые должны изменить свои

стандарты потребления и производства. Это очень важно. Когда мы говорим, например, об изменении климата, то рассчитываем, что бизнес в каждом государстве на всех континентах будет добиваться одних и тех же показателей с точки зрения экологии и других факторов, влияющих на климат.

В США проживает 300 млн человек, или 4 % населения Земли. В Индии — 17 % населения планеты, а производим мы всего 4 % мирового ВВП — пока еще очень мало. Рано или поздно нам потребуется больше энергии. Сегодня 33 % моих соотечественников лишены доступа к энергии, и в стране очень мало природных энергоресурсов. С учетом провозглашенных задач устойчивого развития мы стремимся к изменению жизненных стандартов, достижению баланса между потреблением и производством. Это очень важно. Что касается международного партнерства, то необходимо разрабатывать правила, которые будут соблюдаться всеми странами, и направлять усилия на определенные направления для того, чтобы обеспечить достойную жизнь для всех.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Мне кажется, что в прогнозах на XXI век фактор Индии не учитывается настолько, насколько он этого заслуживает. В Европе еще 10 лет назад было очень популярно писать о том, что XXI век станет веком так называемой евросферы, ядром которой будет ЕС. Потом эти надежды разбились о конституционный кризис в Евросоюзе, а затем о мировой экономической кризис. Много писали о том, что XXI век будет веком Китая, но мало — о том, что точно так же он может быть и веком Индии. Для меня эта страна представляет собой нечто вроде полудремлиющего гиганта, который скоро проснется и скажет свое слово в XXI веке.

Следующим выступает профессор Литтлджон.

Г. ЛИТТЛДЖОН: — Я хотел бы сослаться на последние тезисы господина Черешнева: мы должны смотреть не в прошлое, а в настоящее. В России высоко-развитая наука и огромный военный потенциал, который, думаю, недооценивается. В настоящее время сложилась довольно опасная ситуация, напоминающая известный Карибский кризис. Возможно, кто-то считает, что Россией можно пренебрегать, но я думаю, что это большая ошибка. Поэтому обращаюсь к дипломатам: пожалуйста, тщательно взвешивайте каждое слово и выверяйте каждый шаг. Мы видели успешные действия России в Сирии.

Потенциал российской науки также очень высок. В 1993 году я имел возможность убедиться в этом лично, посетив Институт атомной энергетики в Обнинске. Еще раз подчеркиваю: давайте будем внимательными и аккуратными в словах и действиях.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Профессор, Вы сказали о значении науки, и в том числе в нашей стране, и абсолютно ясно, что наука всегда подразумевала модернизацию, реформы. Надо сказать, что реформы реформам рознь. В России сейчас идут жаркие споры о том, что, я бы даже сказал, не реформы, а реформаторство

может не столько продвигать науку, сколько тормозить ее развитие. У нас проводятся довольно масштабные реформы, в том числе в академической науке, но, надо сказать, насколько хорошие реформы могут способствовать развитию интеллекта страны, настолько непродуманные могут наносить вред. Поэтому реформы, конечно, всегда нужны любому государству и обществу, но если они не продуманы, то это может приводить к отрицательным результатам.

Слово предоставляется господину Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Я хотел бы поделиться мыслями о национальных интересах на глобальном и региональном уровне. Напомню о высказанной в XVIII веке максиме Валуевского, которая сейчас почти забыта. Она гласит следующее: «Задача дипломатии состоит в том, чтобы забывать о собственных интересах ради блага мира во всем мире». Александр Валуевский был министром иностранных дел Франции с 1855 по 1896 год. С тех пор прошло очень много лет, но его позиция сегодня актуальна, возможно, еще больше, чем тогда, особенно с точки зрения национальных интересов. Эта концепция, означающая необходимость баланса между национальными и всемирными интересами, должна стать основой нового мироустройства. Баланс между интересами не будет достигнут, если с этой задачей не справятся межгосударственные организации — ООН, Евросоюз и др. Обоснование национальных интересов содержится в одном из базовых принципов ООН, закрепленном в Уставе. Это принцип суверенного равенства. Суверенитет означает право каждого государства и населенного пункта жить по собственным правилам и преследовать свои интересы, но на основе равенства и взаимности.

Я начал свое выступление с максимы графа Валуевского, поскольку осознаю, что на международной арене одни государства сильнее других, и они ведут себя сообразно своим национальным интересам — так, как будто это общие интересы всего человечества. Проблему же я вижу в том, что хартия ООН в ее нынешнем виде упрочняет позиции сильных государств. Так сложилось в результате баланса сил, существовавшего во время холодной войны. Такая однополярная структура будет существовать, пока не разовьется новая, многополярная.

В Организации Объединенных Наций, решения которой обязательны для всех суверенных государств международного сообщества, Совет Безопасности все еще организован таким образом, что он несовместим с идеями равенства и партнерства, поскольку только пять государств имеют решающие голоса. Эти государства воплощали баланс мировых сил в 1945 году и пользовались некоторыми привилегиями, когда писалась хартия. Однако ООН должна соответствовать меняющимся временам. Надо изменить хартию так, чтобы те регионы и даже континенты, которые сейчас исключены из системы безопасности (Африка, Латинская Америка, весь исламский мир и т. д.), могли иметь своих постоянных представителей в Совете Безопасности. Сегодня же мы видим вопиющий дисбаланс. Национальные интересы крупных регионов представлены

недостаточно, тем самым подрывается легитимность всей ООН. Необходимо принять новую хартию, в которой был бы предусмотрен иной баланс сил, а иначе ООН ждет та же судьба, что и ее предшественница.

Мы можем опереться на опыт Евросоюза. Хотя там тоже существует очевидный дисбаланс в том, что касается национальных интересов и общих интересов Евросоюза. Это проявилось, в частности, в Совете Европы, когда принимались решения, связанные с кризисом миграции. Отчуждение многих граждан (так называемый евроскептицизм) привело к тому, что многие недовольны действиями Брюсселя, и следствием может стать столкновение интересов ряда стран — членов Евросоюза, которые не смогут решить эту важную политическую проблему.

В прошлом году огромное количество мигрантов прибыло на территорию определенных государств, в частности Австрии, Германии, Швеции. Многие даже не имеют никаких документов. Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия, Македония, Сербия, Хорватия, Словения объединились в альянс для отстаивания своих интересов. Многие не соглашаются с политикой распределения беженцев по странам, заявляя: «Мы не можем отвечать за последствия политики отдельных членов Евросоюза». Наши политические лидеры и население не готовы подчиняться одному из крупнейших государств ЕС — Германии. Идут горячие споры, мнения разделились. Это может привести к отрицанию идеи солидарности и сотрудничества на европейском уровне, что уже проявилось в Австрии: большинство австрийцев голосуют за выход из Евросоюза.

И здесь основным вопросом являются национальные интересы — нужды граждан страны, недовольство тем, что доминирует одно государство, а политика, которую оно проводит, часто противоречит интересам других стран. Для нас в Европе это является одним из прямых и очевидных свидетельств того, что национальные интересы необходимо определять на основе взаимности и равенства. Люди практически не могут воздействовать на более сильные государства Союза. Подобные настроения нарастают, что в итоге способно вызвать кардинальное изменение политического ландшафта. Сегодня мы уже наблюдаем это в Австрии, хотя ничего похожего нельзя было предположить еще несколько лет тому назад. Это тектонические сдвиги. Я говорю об Австрии, потому что это моя страна, но и в других странах происходит то же самое.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Господин Кёхлер, Вы подняли вопрос, конкретное решение которого может как внести свой вклад, так и затормозить развитие глобального управления и регулирования в XXI веке. Это вопрос о реформе Организации Объединенных Наций, в том числе реформировании Совета Безопасности. Действительно, 1945 год был уникальным временем. Несколько месяцев, прошедших между победой над Германией и последними днями войны в сентябре 1945 года, и событиями, которые начали вслед за этим быстро разворачиваться, — это было мизерное с исторической точки зрения окно возможностей для создания таких организаций, как ООН, и на тех принципах.

Сейчас то, что Совбез работает с использованием права вето, консенсуса, — само собой разумеется. А тогда вокруг этого шли большие споры, и несколько месяцев между конференциями в Думбартон-Окс и в Сан-Франциско СССР и США не могли выработать договоренность о праве вето. О том, какие страны могут войти в Совет Безопасности, говорят уже много лет, но мы прекрасно знаем, с какими проблемами связано любое предложение по его расширению. В Совбез уже входят три страны из Европы, и все другие регионы мира считают, что увеличивать число европейских представителей в Совбезе за счет той же Германии представляется проблематичным.

Идея о том, чтобы Евросоюз занял место в Совбезе, связана с тем, что Франция и Великобритания должны отказаться от своего места, но ни та, ни другая не собираются этого делать. Что касается Японии, то она до сих пор не заключила мирный договор с одним из членов Совбеза (Россией), и, естественно, эта ситуация невозможна для решения проблемы о членстве. То есть на сегодняшний день есть несовершенная Организация Объединенных Наций, несовершенный Совбез, но это лучшее, что мы имеем. Вы упомянули о том, что завтра в Австрии пройдет второй тур выборов в президенты. Уникальное явление, когда претенденты обеих ведущих партий страны в первом же туре выбывают из борьбы. Как президентская кампания в Соединенных Штатах, так и то, что происходит в политической жизни Австрии, — это проявление глубоких сдвигов в развитии стран и регионов.

Дальше выступает доктор Ежи Вятр.

Е. ВЯТР: — Я хотел бы высказать два замечания. Организация Объединенных Наций с самого начала строилась на принципе компромисса, а за компромиссы всегда приходится платить. Новый формат ООН может покончить с принципом баланса интересов ведущих держав. Это далеко не идеальное решение, но альтернативой может быть только разрушение ООН. Было время холодной войны, когда Советский Союз постоянно оказывался в меньшинстве при голосовании в ООН. Другое государство, Соединенные Штаты Америки, также часто оставалось без поддержки на заседаниях Генеральной ассамблеи ООН. Реформирование ООН если и возможно, то не радикальное, а всего лишь «косметическое», так как ее основной принцип организации состоит в том, что между ведущими державами необходимо поддерживать баланс их национальных интересов.

Теперь о Европейском Союзе. Наступил ли кризис? Я считаю, что да, хотя все зависит от того, как мы толкуем это понятие. Кризис — это не смертельная болезнь, а точка поворота. Полагаю, что Европейский Союз будет вынужден принять сложное решение, чтобы исправить предыдущие ошибки и последствия неоконченного процесса интеграции.

Интеграция в ЕС изначально основывалась на базовой теории рынка. Сегодня политики в моей стране хотят вернуться к общему рынку. То есть из всех преимуществ объединения они выбирают только общий рынок — без сторонних вмешательств в дела тех госу-

дарств, которые правильно или неправильно относятся к своим гражданам. Думаю, что надо двигаться именно в этом направлении. Но нам предстоит сделать как минимум еще один шаг. Я считаю, что в Европейском Союзе неизбежно будут усиливаться механизм координации и ограничение суверенитета государств с учетом их отношения к своим гражданам. На мой взгляд, здесь нет пути назад. Это трудный процесс, но он будет продолжаться.

Следующая проблема — преодоление последствий ошибок. Прежде всего, в чем заключались эти ошибки? Назову три главные. Во-первых, неправильное отношение к «арабской весне». Европейцы исходили из идеалистического представления, что уход диктатора — всегда позитивное событие. Теперь мы знаем, что это было неверно. Во-вторых, односторонний подход к кризису на Украине, рассматриваемому в черно-белом спектре: Майдан — это все белое, а Россия — черное. В итоге ЕС утратил возможность действовать как доброжелательный посредник в этом конфликте, чтобы не допустить ухудшения отношений между ЕС и Российской Федерацией. Я уверен, что это временное осложнение и оно будет преодолено в ближайшие годы. В-третьих, неправильное отношение к проблеме беженцев. Эта ошибка была допущена руководителем самой сильной страны Европейского Союза, а теперь к другим странам обращаются с просьбой урегулировать проблему беженцев, хотя раньше их не спрашивали, хотят ли они открыть свои двери для огромной волны. Большинство мигрантов не являются беженцами в традиционном смысле. Сегодня ошибку необходимо исправить, и это будет трудно. Ошибаться всегда легче, чем преодолевать последствия, но я считаю, что мы это сможем.

Вывод у меня такой. Евросоюз должен глубоко реформировать свою политику, изменить стиль руководства и выбирать лидерами тех людей, которые будут обладать проницательностью и дальновидностью, а не исходить из идеологических догм. Нельзя упрощать философию демократии. Нельзя сказать, что демократическая идея сама по себе неверна — речь идет только о догматическом подходе, как это было во время арабской весны. Иногда подобные перемены хороши, а иногда лучше найти альтернативное решение. В политике надо не пытаться минимизировать плохое, а стремиться максимизировать хорошее.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Доктор Вятр, вы затронули тему, о которой мало было сказано, — кризис на Украине. Пospорил бы с тем, что недостаточная политическая субъектность Европейского Союза была одной из причин этого кризиса, потому что, с моей точки зрения, Евросоюз имел полную возможность принудить новые власти в Киеве выполнить соглашение, заключенное 21 февраля 2014 года. В этом соглашении было все, что нужно оппозиции, и через несколько месяцев она получила бы практически ту же власть, которую получила 22 февраля, но законным и легитимным путем, а не путем вооруженного переворота.

Слово предоставляется господину Азизу.

Ш. АЗИЗ: — У меня три соображения по обсуждаемым вопросам. Первое. Мы много говорим о глобализации, один из ее наглядных символов — упомянутый здесь новый мэр Лондона, сын водителя автобуса из Пакистана. Это, конечно, хорошо, но мы не должны забывать, что в глобализации участвуют не только политики, но и экономические субъекты, и частные предприятия. Естественно, существует разница между национальными компаниями и международными, которые работают по всему миру под самыми разными флагами. Одна из таких компаний, в которой я работаю, — Ситибанк. Топ-менеджмент — председатель банка и 6 исполнительных директоров — символ настоящей глобализации: один из наших директоров родом из Индии, другой — из Пакистана и т. д. Во всем, что мы делаем, мы исходим из принципа глобальности. За 30 лет карьеры мне удалось достичь довольно высокого уровня, и для любого человека всегда открыта возможность работать в любой компании.

Структурные реформы — это непрерывный процесс. Но проблема открытости для реформ в любой стране или компании остается одной из самых сложных, к тому же многие программы грешат неполнотой, так как трудно предусмотреть все нюансы. Поэтому необходимы определенные нормативные рамки. Невозможно изменить структуру управления за один день, надо все рассматривать в развитии, а от бюрократии необходимо избавляться.

Однажды генеральный секретарь ООН Кофи Аннан и премьер-министр Мозамбика Луиза Диогу попросили меня создать рабочую группу в составе бывших руководителей государств, чтобы разработать проект реформирования ООН. Серьезная реформа действительно нужна, с этим согласились все участники нашей группы, особенно в том, что касается роли и статуса постоянных членов Совета Безопасности. Существует много различных вариантов, чтобы сделать ООН более представительной и оперативно откликающейся на актуальные проблемы. И ООН готова реформироваться, завтра она будет совершенно не такой, как сегодня.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Дальше выступает Владимир Константинович Мамонтов.

В. К. МАМОНТОВ: — Поскольку я журналист, то все вижу со своей журналистской, возможно, полемической (и точно публицистической) «колокольни». Петр Петрович Толочко, говоря о глобализации, задал интересный вопрос: «Чего хочет глобализатор?» То есть он предполагает (и я с ним совершенно согласен), что существует некий субъект (и мы его, честно говоря, хорошо знаем), который продвигает, если не сказать навязывает, глобализацию такой, какой она видится и выгодно ему. Помимо того, что она, безусловно, объективно вытекает из логики мирового развития. В связи с этим я подумал вот о чем: а нам-то что сулит эта глобализация? Что предлагается в качестве плодов глобализации России? Петр I ездил в Европу за новыми знаниями, идеями, просветительскими технологиями. А давайте представим, что новый русский

царь в наши дни отправился бы в Европу с той же целью. Что он там найдет? Петр I привез Эйлера, а кого и что привезет гипотетический современный царь?

Это важный для нас вопрос. Сегодня здесь спикеры из Австрии и Польши очень интересно говорили о том, какое огромное расхождение сейчас существует между тем, что планирует и проводит в жизнь европейская, или западная, элита, и тем, как на это реагируют простые люди, европейцы. Что, прикажете нашему гипотетическому царю этот опыт тоже перенимать? Нет, я был бы против. Многоуважаемый Ежи Вятр хорошо говорил про ошибки. Он перечислил важнейшие ошибки последнего времени, которые были допущены в Европе по отношению к России и Украине. В связи с этим у меня создалось странное впечатление: а заранее нельзя было этого предвидеть? Разве можно допускать такие ошибки, если у тебя есть базовое высшее образование и мало-мальский политический опыт? Как можно это допустить и сделать? Остается предположить, что тот самый глобализатор, о котором говорил Петр Петрович, действует так успешно, что люди преодолевают в себе высшее образование, собственные политические интересы и служат некой общей цели, которая, возможно, им самим и не нужна, как рассказывают нам сейчас господа из Австрии и др.

Это очень интересный для меня вопрос, на который у меня нет ответа. Ну поедем мы сейчас изучать политический опыт Европы, и что? Мы должны будем удивляться, радоваться тому, что значительной частью суверенитета, в моем представлении высочайшей национальной ценности, оказывается, спокойно поделились за какие-то выгоды и теперь вынуждены от этого страдать. Может быть, не надо было так отчаянно делиться? Может быть, нужно было подумать о том, что у каждой страны действительно есть такие интересы, с которыми не стоит расставаться, которые не нужно куда-то делегировать, даже в столь прекрасные объединения, как Евросоюз? Конечно, там есть много хорошего. Зачем сейчас едут туда те же беженцы (точнее, те, кого мы называем беженцами)? Кроме решения каких-то политических задач, вообще-то за комфортом. Да, в Европе созданы комфортные условия для жизни, но за это, как и за утрату суверенитета, она платит очень высокую цену, на мой взгляд, переставая быть настоящим лидером и той грандиозной силой, которая в свое время заставила Петра прорубить туда окно. Нет сегодня ощущения этой мощи, этой силы, этого интеллектуального двигателя, или оно, по крайней мере, довольно слабое.

Что меня беспокоит больше всего и чего нам точно не стоит перенимать, потому что у нас самих этого хватает, — это какого-то странного, пренебрежительного отношения к собственным гражданам, к тому, что они высказывают, чего хотят. В ходе наших дискуссий в Университете я несколько раз слышал любопытную мысль. Мол, на официальном уровне против России вводятся санкции, нас хотят подвинуть, задвинуть, пострадать и так далее, но на неофициальном уровне, как только мы покидаем разные залы заседаний, то и дипломаты, и политики говорят, что понимают нас. А зачем это? Что это такое,

как не лицемерие? И зачем нам импортировать его, учиться этому странному лицемерию? Мы не хотим. Я не проголосую за ту партию или за того лидера в стране, который будет рассказывать мне о том, что он импортирует такие «блага» из Европы или из западного мира. Честно скажу, что и «бородатую женщину», победившую на «Евровидении», я не хочу видеть. У нас с вами серьезнейшая встреча, в которой участвуют политики, дипломаты, но мы не раз вспоминали «Евровидение». Почему? Потому что это очень забавный и яркий пример того, как действуют политические элиты. Они говорят, что России надо насыпать соли под хвост, поэтому ее певец Лазарев никогда не победит. И посмотрите, как реагирует народ — европейцы, украинцы и россияне, — прямо противоположно. Но разве такому расхождению нам стоит следовать?

Еще раз повторяю: я не ученый, не политик, не дипломат, я журналист, и у меня нет ответов на эти вопросы, но я вам точно скажу, что мои читатели вместе со мной их задают. Я читаю комментарии к собственным заметкам, а здесь я не сказал ничего такого, чего бы не написал или не напишу, я читаю отзывы и отклики, и меня явно окружает сочувствие.

Мне кажется, что у нас с вами идут очень интересные дискуссии, и их глубокая сила в том, что они откровенны, что они находятся за пределами холодноватой дипломатической отстраненности. В мире много реальных сложностей, и нам с вами не стоит друг друга в чем-то обманывать или скрывать какие-то важные вещи. Или пытаться мягко называть ошибками то, что мы в России понимаем как целенаправленную враждебную политику. Собственно говоря, ценность искренности для меня очень важна, и я надеюсь, что благодаря ей и глубине тех мыслей, которые вы здесь высказываете, наша дискуссия будет полезна. Такую дискуссию я, как гражданин России, как человек, как журналист, готов принимать и впитывать. За ней готов отправиться в Европу, хотя я и не царь Петр.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Слово предоставляется господину Акинчи.

Х. АКИНЧИ: — Как всем известно, существуют двойные стандарты, но если мы будем пытаться избавиться от них, то могут возникнуть стандарты тройные, пятикратные и т. д. Лет 20 тому назад — до распада некоторых стран, появления новых государств, войн, кредитных кризисов и тому подобного — кризис с беженцами не был таким острым, все это было тогда не настолько серьезно. Тогда причины были в основном экономические, а сейчас дело уже не только в них. Люди действительно боятся за свою жизнь. Возвращаясь к теме двойных стандартов, например в экономической сфере, надо отметить, что если кто-то накладывает экономическое эмбарго без санкций из политических соображений, то это может быть оправданным. Думаю, что это и есть двойные стандарты. Это может быть сделано в национальных или в глобальных интересах. Возьмем изменение климата. Это представляет интерес для всего мира. Все остальное необходимо

основывать на соблюдении и согласовании национальных и глобальных интересов.

Хотелось бы сказать о том, что принес глобализм в XIX век. Тогда такая мощная страна, как Индия, была доведена до уровня бедной страны. Она смогла вернуться в мир, только обретя независимость. В XIX веке глобализм принес капитализм в Китай и практически разрушил эту страну. Возьмите Оттоманскую империю и ее наследие. Египет долгое время находился под британским протекторатом, но настоящую независимость получил в 1936 году. То есть правила устанавливаются сильными, и эти правила должны быть полезными для всего общества. Если вдруг правила устанавливаются в интересах определенных стран — если мы говорим о региональной кооперации, о региональном сотрудничестве, — то такое сотрудничество может быть губительным, пагубным для остального мира, потому что оно не учитывает интересы остальных государств. Что же делать, если будет продолжаться такое сотрудничество или же если оно будет построено на положении главенства национальных интересов какой-либо одной страны? Надо постараться сделать его полезным для всех остальных стран, потому что, если от него выигрывает только какое-то определенное количество стран, а именно самых богатых, как это было в XIX веке, тогда оно будет пагубным для всех экономик, для всех стран. Я понимаю, что есть какое-то противоречие в моих словах, но, тем не менее, такие два наблюдения мне довелось сделать.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Следующим выступает профессор Дуткевич.

П. ДУТКЕВИЧ: — Мне бы хотелось свести воедино общество, политику и экономику. Все это глобальные вызовы, глобальные проблемы. Я думаю, что мы сильно разделяем экономику, политику и до некоторой степени роль общества. Я начну с очень комфортного времени в начале 1990-х годов, когда сложился биполярный мир. Все было сбалансировано — и политика, и экономика. Мы вели эту политику в течение долгого времени, и баланс сохранялся. В это время шел экономический рост, который фактически изменил систему. Часто забывают один важный момент в экономической истории: в 1960-х годах был очень короткий период экономического равновесия, когда Советский Союз догнал Соединенные Штаты Америки.

Затем мы перешли на другую стадию — от биполярного мира к однополярному. И это было значимым явлением, поскольку воцарился дисбаланс и в политике, и в экономике. Политэкономия мира снова изменилась. И главными признаками этого были войны в Ираке и Афганистане и кризис 2007–2008 годов, который до сих пор продолжается. Сейчас Россия и некоторые другие страны, к примеру БРИКС, хотя чего-то другого и добиваются этого. Они говорят о многополярном мире. Но в этом случае вся система разрушится, потому что мы живем в мире, который политически очень разнороден, но экономически очень объединен. Мы говорим, что есть разные варианты рынка, экономик, разные национальные государства. Но в целом мы объеди-

нены одними и теми же экономическими принципами, одной логикой рынка, одной экономической логикой. При многополярности, а это незнакомый нам феномен, появляются негосударственные факторы.

Есть группы людей, может быть их всего 500, которые берут на себя экономическую власть и переворачивают все в мире. Есть очень мощные экономические группы, негосударственные организации. И эти факторы угрожают суверенитету национальных государств, которые, в свою очередь, начинают реагировать, и часто реагируют очень болезненно на сокращение своего суверенитета. Они создают новые механизмы движения, военизированные группы. И тогда у меня возникает вопрос, над которым я буду работать в своей книге вместе со своими коллегами (она будет называться «Остальное за пределами Запада»). Вопрос такой: может быть, нам стоит перейти не к многополярности, но к многостороннему порядку? Если мы сейчас отличаемся в политическом смысле, но объединены экономически одними и теми же правилами игры, может быть, нам создать порядок, различный в политическом смысле, но не отличающийся по нормам и правилам, как это делается в экономике? Я думаю, можно будет такой порядок установить. Крым — очень хороший пример. Европейский Союз утверждает, что Россия нарушила его законы, нормы, стандарты, а Россия в ответ говорит: «Нет, мы преследовали только свои цели и ценности». Мы находимся на одном континенте, но у каждого из нас совершенно разный набор ценностей и стандартов. И это касается не только Европейского Союза — это касается всего мира.

Придет время, и экономический успех таких стран, как Индия, Китай, Иран, покажет миру, что каждая страна представляет свои ценности, нормы, отличные от других, и их надо уважать. И что мы будем делать тогда в глобальном масштабе с глобальным порядком? Он закончится к этому моменту. У меня есть еще много вопросов, на которые, я надеюсь, прольет свет наша книга. Главное — понять, что необходимо учитывать политическую экономию глобального масштаба, глобальных перемен.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Разрешите мне предоставить слово соруководителю нашей секции господину Мусе.

А. МУСА: — Сегодняшнее утро обогатило нас очень большим количеством идей, которые были все со знаком вопроса. Но есть определенный вывод, который мы должны сделать. Глобализация не исчезнет, это общая тенденция, образ жизни. И как уже объяснял профессор Черешнев, наука — это важнейший элемент глобализации, или должна быть таковой. Если мы перечислим преимущества глобализации, то среди них будут сотрудничество науки и технологий, обмен наукой и технологиями, — это положительный момент. А отрицательный момент — это терроризм и много других зол, таких как нищета, изменение климата и пр. Мы должны сотрудничать по всем этим моментам.

Если говорить о мире и глобализации, то я думаю, что наиболее серьезный вопрос, которым занимают-

ся многие научные центры, правительства, организации, — это новый мировой порядок. Мозговые центры по всему миру рассуждают о том, что это за порядок, кто борется за лидерство, способны ли определенные нации вынести такое бремя, могут ли они реформироваться, можно ли их вообще реформировать. Я бы сказал так: Организация Объединенных Наций не так уж и провалилась, результат ее работы в целом положительный. Может быть, можно реформировать и добавить эффективности всем ее подразделениям, потому что, когда речь идет о мире и безопасности, видно, что этого недостает. Совет Безопасности является средоточием того, где мы и ощущаем недостатки, которые служат причиной немощи ООН. Он не может брать на себя ответственность. В Совет Безопасности входят пять постоянных членов и два, три, иногда четыре непостоянных, которые рассматривают все на свете с точки зрения собственных интересов, в полном противоречии глобальной идее и общемировым интересам. Очень много разных документов и книг публикуется по этим вопросам, но они все неэффективны.

Я много критикую мозговые центры, потому что в ряде западных стран они сильно влияют на международную жизнь. Именно в них придумали двойные стандарты. Именно там ввели понятие о том, что проблему не надо решать, ей надо управлять, с ней надо просто справляться. Там работают люди, и их много, которые приложили массу усилий к тому, чтобы все время что-то обсуждать. И этого было достаточно. Урок, который мы почерпнули из ситуации в Палестине, состоит в том, что это один из самых негативных наших опытов, когда мы пришли к текущему положению дел по палестинскому вопросу. Все дело, конечно, не только в двойных стандартах, попытках как-то управлять процессом, откладывать проблему, затирая ее. Но, тем не менее, все эти попытки не ликвидировали палестинского вопроса, он актуален, и он еще не раз перед нами возникнет в обозримом будущем.

Сейчас много говорят о так называемой творческой, креативной анархии. Именно она как раз полностью и разворачивается на Ближнем Востоке, причем это абсолютно противоположно интересам улучшения мира. Это ведет к разладу и подрыву такого рода принципов и правил. Посмотрите, как это произошло в Ираке. Это привело к вводу войск в Ирак, к его агрессии, к уничтожению самых разных институтов власти при отсутствии каких-либо планов дальнейшего развития. Это привело к анархии и разладу там. Такая страна, как Ирак, богатая и большая, сейчас находится в таком состоянии, что я не думаю, что в обозримом будущем она вернется к своему прошлому авторитету. Такова ситуация на Ближнем Востоке, в арабском мире. Я не хочу умалять ошибок различных правительств на Ближнем Востоке, конечно, эти ошибки также повинны в том, что там происходит. И если бы этих ошибок не было, может быть, та самая креативная анархия не достигла бы такого уровня нестабильности.

Что касается ООН, то она основана на определенных принципах, причем самый важный состоит в том, что организация должна спасти последующие поколе-

ния от проклятия войны. Но проблема не в проклятии войны, а в проклятии многих других зол. Это проклятие бедности, изменения климата, это вмешательство в экологию — вот самые реальные угрозы для международного мира и безопасности. Количество жертв цунами и прочих последствий изменения климата, которые сейчас еще больше выходят на поверхность, будет гораздо выше, чем то, которое понесло человечество в мировых войнах. Поэтому человечество должно рассматривать эти проблемы под другим углом. И, в частности, Совет Безопасности должен по-новому решать эти вопросы, потому что недостаточно только разбираться с существующими конфликтами, надо думать о том, что будет в перспективе возникать при перемене климата и т. д.

Не так давно в ООН прошли обсуждения новых вызовов, в частности права вето. Я считаю, невозможно, чтобы у пяти государств — членов Совета Безопасности было такое право постоянно, надо подумать, что с этим делать. Совет Безопасности иногда голосует так: 14 государств-членов по какому-то вопросу выступают за, а один — против, используя право вето. Подумайте: если подавляющее большинство членов Совета Безопасности за какое-то решение и всего один — против, возникает вопрос о запрете использования права вето. Можно просто сказать, что я не согласен, но я не буду использовать право вето, хотя и могу это сделать. И эти решения надо ограничить такими вопросами, как военные преступления, геноцид, прекращение военных действий, прекращение огня. Как можно использовать право вето, когда речь идет, в частности, о военных преступлениях? Такой небольшой шаг, как запрет на использование права вето по определенным вопросам, может повлечь за собой дальнейшее реформирование ООН. Потому что это позорно, когда одно вето аннулирует решение 14 членов Совета Безопасности.

И еще два наблюдения. То, что касается субъектов не-государств. Я не думаю, что существует такая ситуация, когда субъекты не-государств борются с субъектами государств. Я думаю, что речь идет об агентах государств, которые отстаивают интересы каких-то крупных держав. И такого рода практике надо положить конец. Как только прекращают их финансировать, они прекращают так поступать. И я считаю, что мы должны хорошо подумать об этих агентах, не являющихся государствами, о том, что они просто выполняют чьи-то распоряжения.

И еще один момент по поводу Европейского Союза. Мы живем по одну сторону Средиземного моря, и нас, естественно, волнует, что происходит по другую его сторону и в Европейском Союзе. Мы не инопланетяне. Существуют мощные экономические личности, но очень слабые политики. И это вызывает много проблем, которые будут отражаться на действиях Европейского Союза. Конечно же, у Евросоюза несколько иной путь, чем у США. Но, тем не менее, он все равно движется за Соединенными Штатами, а я считаю, что Европейский Союз должен очень четко обозначить свою позицию как участника международной политики.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Напомню о том, что эта ставшая знаменитой фраза об экономическом гиганте и политическом карлике впервые была произнесена, по-моему, в 1981 году бельгийским премьер-министром, и с тех пор вот уже 35 лет эту фразу продолжают повторять.

Слово предоставляется академику Владимиру Львовичу Квинту.

В. Л. КВИНТ: — Всю свою жизнь я пытаюсь быть как можно дальше от политических дискуссий. Я экономист, но поскольку уже более 40 лет занимаюсь стратегией, то вольно или невольно все время сталкиваюсь с политическим фактором и его вовлечением и влиянием, чаще всего негативным, на принятие экономических решений. Глобализация, как и ряд других глобальных закономерностей, — это объективная категория, это как ветер, как волны в океане, как цунами, и было бы смешно говорить, что существует какой-то глобализатор, который этот ветер, эти волны создает. Или предполагать, что существует какое-то закулисное правительство, а если кто-то пытается присвоить себе роль глобализатора, то это не менее наивно и примитивно. Когда мир был наиболее стабилен? Наименее стабилен мир был на нескольких экономических этапах своего развития, когда это было биполярное развитие. Наиболее стабилен — в процессе многополярного развития, то есть наибольшая стабильность достигается в многополярном мире. Однополярный мир тоже более стабилен, чем биполярный, но когда он рассыпается, то процесс перехода от однополярного мира к многополярному становится очень конфликтным.

Неслучайно после самой страшной в истории человечества войны возникла Организация Объединенных Наций как мягкая форма создания правил и процедур кооперации стран под влиянием многонациональных институтов, на добровольной или необязательно добровольной основе. Замечательно, что существует Совет Безопасности и что он имеет право вето. В то же время, анализируя, например, стратегические проблемы, глобальные вызовы, мы понимаем, что глобальный миропорядок нужен именно для решения проблем массовых заболеваний, эпидемий, глобальных катастроф, форм, которых мы даже до сих пор не знаем, климатических проблем, даже проблем бедности и неграмотности, терроризма. Эти проблемы требуют глобальной кооперации, и поэтому нужно иметь механизм. Но как только мы делаем шаг дальше, в сферу политики, как сделал уважаемый мной экономист, нобелевский лауреат 1969 года Тинберген (я изучал его динамические модели), то получается, как с ним — он стал довольно наивным и предложил существование глобального правительства. На мой взгляд, это очень вредная идея. Все решения должны приниматься правительствами конкретных стран, то есть национальными институтами, реализующими национальные интересы, в том числе решения, в какой степени им кооперироваться на глобальной арене. И для этого существует замечательная платформа — Организация Объединенных Наций. Поэтому глобальное правительство или какой-то там фиктивный глобализатор, если он себе такие функции при-

сваивает, — очень вредное явление. Но сегодня, к счастью, на мой взгляд, этого нет.

Вообще говоря, как только мир создает консенсус, всеобщее согласие, как только возникает равновесие, баланс, то, согласно теории одного замечательного химика, нобелевского лауреата, любая система сразу стремится к нарушению всего этого, потому что это не предполагает дальнейшего развития. Поэтому мы всегда будем сталкиваться со сложными проблемами, с поиском решений для выхода на новый уровень развития. Это явление называется энтропией. А Нобелевская премия за теорию энтропии была присвоена в 1979 году замечательному российскому физико-химику Илье Пригожину. Поэтому я думаю, что существование Организации Объединенных Наций, принятие решений на добровольной основе и обязательная их реализация — это то, что миру сегодня нужно. Не надо думать, что появятся какие-то две мощные нации, которые и будут определять или тем более присваивать себе роль такого института. Сегодня развиваются мощные экономические силы в Латинской Америке, Индии, Китае, которыми ни в коем случае нельзя пренебрегать. Россия, США и эти региональные супердержавы должны искать консенсус и принимать решения на демократической основе. Без России, США, Индии, Китая, Бразилии как лидера Латинской Америки, Египта как одной из мощнейших стран арабского мира нельзя принимать решения, которые потом на основе решений Совета Безопасности становятся практически обязательными.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Слово предоставляется профессору Галису.

Г. ГАЛИС: — У меня вопрос и замечание. Вопрос касается национальных интересов, интересов простых людей, населения страны. Я приведу классический пример фармацевтической промышленности. Сейчас опять разгорелся спор относительно швейцарской компании Novartis. Хотя сложно сказать, швейцарская она или же международная. Так вот, между ней и правительством возник спор о монопольном праве компании на лекарство от СПИДа, и поэтому она может навязать очень высокую цену. То есть человеку в год лечение их лекарством может обойтись в 20 тыс. долларов. «Это неправильно», — говорит правительство. Надо создавать генерики, чтобы удешевлять эту продукцию. Подобная проблема есть и в Индии, где правительство обратилось в суд и выиграло дело. Вопрос в том, какие критерии надо здесь применять по международному праву, куда обращаться — в ВОЗ или же в ВТО, потому что для ВОЗ самое главное — это обеспечение здоровья людей, а для бизнеса — обеспечить свою прибыль. Вот такой вопрос.

Теперь замечание. Один наш коллега говорил о протекционизме. Я считаю, что это очень интересный академический спор, но на практике все правительства объединяют протекционизм и свободную торговлю. Это делается по-разному, у одних правительств это получается хорошо, по уму, у других — плохо. Представьте себе: в XIX веке английская хлопковая

промышленность развивалась тогда, когда англичане выступали против американцев, у которых не было таких заводов. Американцам пришлось с этим бороться, и так возникла новая отрасль. Тогда была сформулирована теория протекционизма в противовес свободной торговле. И ее описывали так, что англичане навязывали свою мощь Американскому государству, Индии, Бразилии. Они пытались продвинуть интересы своих компаний. Но в чьих интересах это делалось — компаний или населения? Этот вопрос остается открытым, на него нет ответа. Хлопковая промышленность, например, была очень важна для Соединенных Штатов, и жаркие дебаты по этому поводу велись во Всемирной торговой организации. Дело в том, что не всегда ясно, как говорили наши коллеги, что такое международная компания, что такое глобальная компания, а что такое национальная компания. Но в ряде случаев так называемые международные компании поддерживают и национальные правительства.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Следующим выступает лорд Мойнихен.

К. МОЙНИХЕН: — Уважаемые коллеги, наша конференция проходит на высоком уровне, здесь обсуждаются очень важные вопросы. Но вначале я хотел бы отметить, что конкурс «Евровидение» — это хорошая площадка для улучшения международных отношений. Меня радует, что, например, песню для российского певца может написать европеец. И совершенно необязательно на «Евровидении» петь по-английски, здесь нет диктата, не нужно этого делать. Так что это серьезный показатель.

Я бы хотел обратить ваше внимание на два момента. Первое: важно понимать, почему на выборах мэра Лондона победил Садик Хан, типичный представитель своего поколения. Он вовсе не умеренный мусульманин, он имеет связи с экстремизмом, и население именно так его и воспринимает. Он постоянно говорил о своей биографии, что он сын водителя автобуса и жил в предоставленном государством жилье. Он выступал против кампании Консервативной партии Великобритании, а я как раз являюсь членом палаты лордов и представляю Консервативную партию. Но несмотря на это он поддерживает идеи мультикультурализма, о котором мы говорили. У мультикультурализма много значений. Главные, на мой взгляд, — это потребность политической идентификации, необходимость избавиться от наклеивания ярлыков, от стигматизации, уничтожить доминирование одной группы над другой. Это ведет нас к политическому климату, в котором преобладают толерантность, уверенность и уважение. И я думаю, что мы этого в огромной степени добились для Лондона. Это окно возможностей, которое создано не только политическими, но и другими факторами. И мы не должны недооценивать роль национального и международного спорта. Когда в Лондоне проводились Олимпийские игры 2012 года, олимпийская деревня не стала ограниченной территорией для олимпийских команд. Вся страна стала олимпийской деревней. Мы оказывали уважение и теплый при-

ем всем гостям, невзирая на их гражданство и национальность. А проблемы при проведении Игр возникали и будут возникать всегда.

Второе: я бы хотел сослаться на то замечание, которое сделал наш председатель, о том, сможет ли выжить и добиться успеха страна, находящаяся за пределами торговых союзов. По-моему, это ключевой момент в наших спорах, в том числе и в Англии. Здесь важно то, что крупнейшие экономисты мира полагают, что Великобритания сможет добиться успеха и за пределами Европейского Союза. Я это говорю с точки зрения политологии. Многие англичане считают, что Евросоюз тормозит развитие, очень во многом ограничивает бизнес, взимает с Англии многие миллионы фунтов стерлингов, ничего не давая взамен. Некоторые, правда, верят, что «Соединенные Штаты Европы» — это возможная реальность, примерно 50 % населения говорят о согласовании тарифов, о развитии в союзе с экономистами мира и о том, что новые правила необходимо согласовывать через Брюссель. Но многие считают, что нас ограничивает то, что мы входим в число 29 стран Евросоюза, и поэтому лозунг «Выгодная Британия для Европейского Союза» рассматривается как главный. Все это важные факторы, которые необходимо учитывать, утверждая, что и Евросоюз, и Великобританию немедленно ждут потери, если она выйдет из его состава. Таковы взгляды экономистов Великобритании.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Приглашаю к микрофону профессора Ингимундарсона.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Я хотел бы развить те взгляды, которые высказал мой коллега профессор Кёхлер о балансе сил в Европейском Союзе. Профессор Вятр упомянул о той ошибке, которую сделала Меркель с точки зрения Германии. Что касается роли Германии в Евросоюзе, то она меняется некоторым образом. Я разговаривал со многими немецкими политиками, в том числе с одним в прошлом видным политиком, который сказал, что Германия слишком велика для Европы, но слишком мала для всего мира. И многие полагают, что после Второй мировой войны, когда возник проект Европейского Союза, в основном речь шла о германском национализме и европеизме, который тогда хотелось поддерживать всеми силами. Было задумано так, что можно сыграть более важную роль, чем просто на национальном уровне, в Германии и на континенте в целом. И сейчас взгляды Германии на европейцев меняются. Конечно, это влияет на процедуру управления в Европейском Союзе. Помните, всегда говорили об оси Франция–Германия, немецко-французском векторе. Сейчас в контексте Евросоюза уже никто не говорит о французах, будь то финансовый кризис или кризис с беженцами. Все считают, что здесь главную роль играет Германия. Я хотел обратить внимание именно на эту точку зрения.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Уважаемые коллеги, подвести итоги нашей дискуссии я попрошу нашего сопредседателя, академика Валерия Александровича Черешнева.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Уважаемые коллеги, мы завершаем работу нашей секции. Я хочу всех поблагодарить за хорошие, доброжелательные слова, сказанные и в отношении России, и в отношении других народов. Это нормально и правильно. Мы действительно должны понимать психологию и менталитет друг друга.

Например, многое о менталитете россиян может сказать следующая ситуация. Допустим, мы говорим, что XVIII век был женским веком правления России. Только 30 лет правили мужчины: 25 лет — Петр I, меньше года — Петр III, муж Екатерины II, и 4 года — правнук Петра I Павел I, сын Екатерины II. А все остальное время правили женщины. И среди них только одна россиянка — младшая дочь Петра Елизавета Петровна (1741–1761), а в 1762-м — уже Екатерина II, которая правила 36 лет. Павел был обижен, что мать не давала ему престол. Первое его решение — отменить наследование российского престола по женской линии. К чему это привело — вы знаете. Женщины бы сами никогда не сняли с себя царский сан, это точно. Кстати, все жены — и в XIX веке, и в начале XX века — были из Австро-Венгрии, то есть у нас был англо-германо-русский двор. Невесты из Германии, женихи из России, и наоборот. Наши великие князья становились мужьями немецких, австрийских, венгерских и других принцесс. Это было нормой. Но к чему это привело? В замкнутом обществе генетика изменялась, и поэтому Алексей, единственный сын Николая II, болел гемофилией. Это болезнь узкого круга, элиты. Вот в чем дело. Это многое говорит о нравах России того времени.

Еще один показательный пример. Я уже не один раз его рассказывал. В 1850–1853 годах послом Германии в России был великий Отто фон Бисмарк. Его избрали главой дипломатического корпуса в столице России Санкт-Петербурге, потому что он великолепно знал русский язык. И он понимал, что еще лучше язык можно изучить, погрузившись в язык народа. Он очень любил ходить на ярмарки, базары, на всякие представления, гуляния и тому подобное и впитывать в себя русский дух. И его поразило, когда он в первый раз приехал в Россию, вышел на улицу и спросил прохожего: «Как Вы считаете, какая сегодня погода?», а там дождик мелкий. Тот говорит: «Да ничего пого-

да, хорошая». Через два дня вышел, а там солнце ярко светит. Он говорит: «Посмотрите, какое хорошее утро. А какая погода будет днем?» — «Да ничего». — «Да что такое? И дождь — ничего, и солнце — ничего». Приходит на рынок: «Мясо хорошее?» — «Ничего». Думает: «Черт возьми — опять ничего». Сидят в компании дипломатов, Бисмарк спрашивают: «Вы видели эту французскую балерину?» — «Да, прекрасная». А русского фельдмаршала спрашивают: «Как вам, граф Апраксин?» А он говорит: «Ничего, ничего балерина». И так три года он не мог понять, почему у русских на все один ответ — «ничего».

Пришло время уезжать из России. Осень, первый снег. Подъезжает экипаж, они с другом садятся в экипаж. И только поставили сундук назад — скрипнула ось. Бисмарк кучера спрашивает: «Слушай, ржавая, наверное, что так скрипит?» — «Да ничего, барин. Все нормально». Ну, поехали. Только выехали на большую дорогу, первый овраг — полетели. Карета перевернулась, ось треснула. Действительно она была плохая. И вот они лежат, стекло на них упало, поранило обоих. Кучера перевернули карету, вытащили их. Один кучер держит дипломата и говорит: «Ничего, живой, живой». После этого он, наконец, понял, что означает это слово.

В мире никому не понятно, а в России это слово — успокоитель, оптимист, надежда, даже судья. Бисмарк все это описывает в своих воспоминаниях о России. У него была трость с серебряным набалдашником, подаренная великим князем. Когда он приехал в Германию, то пошел к знакомому ювелиру, снял этот набалдашник и попросил сделать из него перстень-печатку на безымянный палец, и еще попросил гравировщика выгравировать русскими буквами «ничего». Потом он стал рейхсканцлером, возглавил правительство, и когда происходило бурное обсуждение каких-то сложных вопросов, уже все закипало, он смотрел на этот перстень, поглаживал и приговаривал: «Ничего, ничего, господа». И, обращаясь к своим министрам, говорил: «Господа, только не делайте резких движений в отношении России, ответ может быть очень непонятным и для многих неадекватным». И при нем никаких серьезных противодействий России не было. Мне кажется, это многое в нас объясняет. Спасибо всем большое.